

VII 5
T

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію
изв. 24 №№ 5 руб. и за
пересылку 60 коп. сереб.

ВЫХОДЯТЪ

ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Подписка принимается въ
Полтавѣ въ Редаціи Еп.
Вѣдомостей, въ Семинаріи.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1884 года. № 9-й. Мая 1-го.

*О созваніи обще-епархіального Съезда духовенства
Полтавской епархіи въ текущемъ 1884 году.*

По указу Его Императорскаго Величества, Полтавская духовная Консисторія слушали: представленіе Совѣта Полтавскаго епархіального женскаго училища, въ коемъ изложено: въ виду приближенія времени обще-епархіального Съезда духовенства Полтавской епархіи въ будущемъ маѣ сего 1884 года, Совѣтъ Полтавскаго епархіального женскаго училища представляетъ на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства слѣдующее: 1, относительно

времени собранія О.о. депутатовъ въ Полтаву, Совѣтъ находилъ бы самымъ удобнымъ назначить таковое во второй половинѣ мая, и именно двадцать второе число сего мѣсяца (22); такъ какъ первая половина сего мѣсяца обильна праздниками и отрывать О.о. депутатовъ отъ обязанностей служебныхъ представляется неудобнымъ; 2., представить на Архiepистырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства докладную записку о матеріальномъ положеніи училища, которая съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства имѣетъ быть представлена на обсужденіе О.о. депутатовъ въ предстоящемъ сѣздѣ. Резолюція Его Высокопреосвященства на представленіи этомъ 20 марта 1884 года послѣдовала такова: епархіальный Сѣздъ духовенства въ семь году назначается на (22-е) двадцать второе число будущаго мая мѣсяца; Консисторія сдѣлаетъ по сему немедленно должное распоряженіе и за тѣмъ дѣло это передастъ Совѣту училищному по принадлежности, который представленную при семъ докладную записку имѣетъ внести въ Сѣздъ О.о. депутатовъ духовенства на обсужденіе. Приказали: съ прописаніемъ резолюціи Его Высокопреосвященства для зависящаго по ней исполненія, послать указы благочиннымъ Полтавской епархіи и затѣмъ настоящее представленіе передать при отношеніи Консисторіи въ Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища. 1884 года апрѣля 20 дня, № 3349.

I.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 17-й день марта сего года на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше сопричислены къ ордену *св. Владимира 4-й ст.*, за 50-лѣтнюю отлично-усердную службу въ священномъ санѣ: *протоіерей* Преображенской церкви с. Твердохлѣбовъ, Кременчугскаго уѣзда, Аѳанасій *Чернышевскій* и *священникъ* Преображенской церкви с. Великаго-Кобелячка, Кобелякскаго уѣзда, Николай *Базилевичъ*.

(Церк. Вѣст. час. оффиц. № 13—14).

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Предложеніемъ Его Высокопреосвященства, отъ 22 марта за № 1751, дано знать Полтавской духовной консисторіи, что настоятель Рождество-Богородичной церкви м. Хмелова, Роменскаго уѣзда, Кирилль *Андріевскій*, по преклонности его лѣтъ, увольняется заштатъ, съ предоставленіемъ права просить себѣ пенсіи въ установленномъ порядкѣ, а на мѣсто его настоятелемъ утверждается той же церкви священникъ Михаилъ *Петровскій*; мѣсто помощника настоятеля, на которомъ онъ доселѣ состоялъ, считать закрытымъ. Считать закрытымъ и діаконское мѣсто

при той Рождество-Богородичной церкви и діаконскій окладъ жалованья—свободнымъ, а взамятъ его открыть первое псаломщицкое мѣсто, на коемъ и остается діаконъ Григорій Левандовскій, которому назначить полное псаломщицкое жалованье на счетъ оклада отъ закрываемаго діаконскаго мѣста.

Рукоположены въ санъ священника: 2 марта діаконъ Рождество-Богородичной церкви села Ярошовки, Лохвицкаго уѣзда, Іоаннъ *Симоновъ*—къ Трехъ-Святительской церкви города Зѣнькова; 3—окончившій курсъ Полтавской духовной семинаріи Михаилъ *Данилевскій*—къ Бознесенской церкви села Ступокъ, Зѣньковскаго уѣзда; 7—діаконъ Свято-Духовской церкви села Демидовки, Кременчугскаго уѣзда, Левъ *Сокологорскій*—къ той же церкви на мѣсто помощника настоятеля; 25—Троицкой церкви села Черкасовки, Полтавскаго уѣзда, Теодоръ *Постовойтовъ*—къ той же церкви на мѣсто помощника настоятеля; 11—окончившій курсъ Полтавской духовной семинаріи Иванъ *Стобеицкій*—къ Покровской церкви села Милушекъ, Хорольскаго уѣзда, на мѣсто помощника настоятеля; 4—діаконъ Свято-Духовской церкви мѣстечка Китайгорода, Кобелякскаго уѣзда Корнилій *Токаревскій*—къ той же церкви на мѣсто помощника настоятеля;—*въ санъ діакона:* 4 марта исправляющій должность псаломщика Николаевской церкви мѣстечка Бѣликъ, Кобелякскаго уѣзда, Іаковъ *Данилевскій*—къ той же церкви на занимаемое имъ псаломщицкое мѣсто.

Опредѣлены исправляющими должность псаломщика: 23 марта псаломщицкій сынъ Василій *Списовскій*—къ Варваринской церкви села Харьковецъ, Переяславскаго уѣзда; 20—пономарскій сынъ Иванъ *Богдановскій*—къ

Покровской церкви села Ступаковки Прилукского уѣзда;—
дьячковскій сынъ Александръ *Краснокутскій*—къ Рожде-
ство-Богородичной церкви села Цѣпковъ, Гадячскаго
уѣзда; 4 апрѣля учитель пѣнія Велико-Будищскаго епар-
хіального женскаго училища Теодоръ *Нееловъ*—на первое
мѣсто къ Успенской церкви села Песокъ, Лохвицкаго
уѣзда.

Перемѣщены исправляющіе должность псаломщика:
4 апрѣля Успенской церкви с. Песокъ, Лохвицкаго уѣзда,
Василій *Савченко*—къ Николаевской церкви села Ломакъ,
того же уѣзда; сей же церкви Василій *Нестеровскій* пе-
ремѣщенъ, вслѣдствіе сего, къ Преображенской церкви
с. Хитцовъ, того-же уѣзда; а сей церкви Димитрій *Кур-*
диновскій перемѣщенъ на первое мѣсто къ Покровской
церкви села Сенчанскихъ-Юсковецъ того же уѣзда.

Утверждены въ должности законоучителя священ-
ники: 18 марта деревни Михайловки, Константиноград-
скаго уѣзда, Іоаннь *Кобзаревъ*—при Михайловскомъ на-
родномъ училищѣ на мѣсто Григорія Соколовскаго; 20—
села Диканьки, Полтавскаго уѣзда, Ефимъ *Королевъ* на
мѣсто Теодора Засяда.

29 марта пономарь Рождество - Богородичной церкви
села Цѣпковъ, Гадячскаго уѣзда, Дороей *Дубиникій*, по-
преклонности лѣтъ его, *уволенъ заштатъ*, и затѣмъ по-
номарское мѣсто въ Цѣпкахъ велѣно считать закрытымъ.

III.

Извѣстія и Объявленія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ о продающихся въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ книгахъ.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ поступили въ продажу книги:

„Собраніе сочиненій Никольскаго единобѣрскаго монастыря настоятеля архимандрита Павла“. Изданіе 4-е ц. п. Москва 1883 г., въ двухъ частяхъ. Цѣна въ бум. 1 руб. 75 коп.

Имя писателя и дѣятельность его противъ раскола пользуются общей извѣстностью. Въ вышедшемъ нынѣ 4-мъ изданіемъ собранія его сочиненій, въ 1-й части, содержатся бесѣды о заблужденіяхъ и неправдахъ такъ называемой „безпоповщины“, въ частности о едосѣвскихъ и филиповскихъ заблужденіяхъ, и бесѣды противъ общихъ заблужденій старообрядчества, а также слова и полученія на разные господскіе и богородичные праздники и по нѣкоторымъ особымъ случаямъ. Во 2-й же части содержится изложеніе причинъ, побудившихъ архимандрита Павла къ оставленію имъ заблужденій старообрядчества, и описанія путешествій, предпринятыхъ архимандритомъ Павломъ въ разныя, наиболѣе зараженныя расколомъ, мѣ-

ствости Россіи, для собесѣдованій съ старообрядцами и путешествія его въ Іерусалимъ, ко св. мѣстамъ. Настоящее изданіе сочиненій архимандрита Паала, противъ предѣльныхъ изданій, пополнено сочиненіями его, которыя были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ послѣ 1879 года.

Акаѳисты: гр. печ. слб. синод. типогр., 1884 г., съ рисунками „Божественнымъ страстамъ“; „Покрову Пресвятыя Богородицы“; „Пресвятѣй Троицѣ“; „Живоносному Гробу и Воскресенію“; „Служба и акаѳистъ архангелу Михаилу“. Цѣна симъ акаѳистамъ въ бум., въ 8 д. 35 к., въ 32 д. 20 к.

Всѣ означенные акаѳисты напечатаны въ первый разъ гражданскими буквами, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ.

„Евангелія, чтומья во св. великій пятокъ на утрени“ (12 евангелій), на русскомъ и славянскомъ языкахъ, Спб. синод. типогр., 1884 г., цѣна въ бум. 15 к.

„Великій пятокъ и великая суббота. Погребеніе Христово“ (брошюра). Спб. синод. типогр., гр. п., цѣна 1 к.

„Послѣдованіе въ недѣлю св. Пасхи“, съ изображ., ц. п. Спб. синод. тип., 1884 г., цѣна въ бум. 3 к.

„Послѣдованіе краткое во всю свѣтлую седмицу“, ц. п. съ кино. Москов. син. типогр.; въ кожѣ 40 к., въ кор. 30 к., въ бум. 25 к.

СПИСОКЪ

лицъ, коимъ назначено пособие отъ Полтавскаго духовнаго попечительства за 1883 годъ.

1). По Полтавскому кафедральному собору: тремъ малолѣтнимъ дѣтямъ сиротамъ псаломщика *Аннѣ, Маріи и Ксеніи Минтяновымъ* 10 руб.; священнической дочери *Марѣ Савченковой* старухѣ 10 руб.; вдовѣ священника, Кременчугскаго уѣзда, мѣстечка Чигринъ-Дубровы *Аннѣ Яновской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 30 руб.; вдовѣ священника *Даріи Эльниковской* съ малолѣтнимъ сыномъ 15 руб.; вдовѣ пономаря *Іуліаніи Швачкиной* съ малолѣтнею дочерью 8 руб.; итого 73 рубля.

II). По вѣдомствамъ благотворныхъ:

1. Полтавскаго уѣзда.

1. *Священника Петра Мазанова*: вдовѣ священника Георгіевской церкви села Нижнихъ-Млиновъ, *Евгеніи Михайловской*, душевно-больной, съ 3-мя малолѣтними дѣтьми 50 руб.; вдовѣ протоіерея *Таисіи Кондратовичевой* съ дочерью 50 руб.; вдовѣ дьячка *Анастасіи Василевской* съ малолѣтнею дочерью 10 руб.; вдовѣ пономаря *Марѣ Пушковой* старухѣ 8 руб.; вдовѣ діакона *Екатерины Дятеловичъ* 10 руб.; вдовѣ священника *Анастасіи Кремьянской* съ малолѣтнею дочерью 15 руб.; вдовѣ дьячка *Параскевѣ Петрашевичевой* старухѣ 6 руб.; дьячковой дочери *Александрѣ Кобзаревой* старухѣ 6 руб.; вдовѣ діакона *Агафіи Миценковой* старухѣ 10 руб.; вдовѣ протоіерея *Аннѣ Павловской* старухѣ 50 руб.; вдовѣ

діакона Марѣѣ *Ужвѣевой* съ 3-мя малолѣтними дѣтьми 15 руб.; дьячковской дочери Аннѣ *Пономаревой* калѣкѣ 5 руб.; итого 235 рублей.

2. *Протоіеря Григорія Рыбалкина*: діаконской дочери мѣстечка Старыхъ-Сенжаръ Параскевѣ *Нестеровской* больной 6 руб.; вдовѣ дьячка Рождество-Богородичной церкви села Федорокъ Стефанидѣ *Голобородьковой* съ дочерью больною 8 руб.; дьячковской дочери Троицкой церкви мѣстечка Старыхъ-Сенжаръ Параскевѣ *Герасимовской* болѣзненной 6 руб.; вдовѣ пономаря Успенской церкви того же мѣстечка Вѣрѣ *Браславской* съ дочерью больною 8 руб.; итого 28 рублей.

3. *Протоіеря Василя Яцевича*: вдовѣ пономаря Успенской церкви мѣстечка Решетиловки Екатеринѣ *Нестеровской* старухѣ 8 руб.; вдовѣ пономаря Троицкой церкви села Демидовки Меланіи *Квитковской* старухѣ 5 руб.; вдовѣ дьячка той же церкви и села Іуліаніи *Сутулнской* съ 3-мя малолѣтними дѣтьми 8 руб.; діаконскимъ дочерямъ Михайловской церкви мѣстечка Решетиловки *Софїи* и *Анастасїи Черемховичевымъ* болѣзненнымъ 10 р.; итого 31 рубль.

4. *Священника Василя Курдиновскаго*: священнической дочери Вознесенской церкви села Камянки Аннѣ *Хилецкой* 6 руб.; вдовѣ исправляющаго должность псаломщика той же церкви и села Еленѣ *Гичевской* старухѣ 6 руб.; вдовѣ діакона села Великой-Рудки Аннѣ *Жежеленковой* старухѣ 5 руб.; вдовѣ священника Николаевской церкви села Диканьки Марїи *Кривусьвой* старухѣ больной глазами 10 руб.; вдовѣ священника той же церкви Екатеринѣ *Кривусьвой* съ 3-мя малолѣтними дѣтьми 15 руб.; вдовѣ дьячка Успенской церкви села Семяновки Агрепинѣ

Шимченковой старухѣ 5 руб.; вдовѣ дьячка *Георгіевской* церкви села *Байракъ Евдокія Коломинской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 8 руб.; вдовѣ дьячка *Покровской* церкви села *Жуковъ Аннѣ Сисоевой* старухѣ 5 руб.; священнической дочери *Предтечевской* церкви села *Гавронецъ Маріи Кравченковой* больной 10 руб.; вдовѣ дьячка *Михайловской* церкви села *Брусія Аннѣ Пестременковой* старухѣ 5 руб.; вдовѣ священника *Николаевской* церкви села *Ковалевки Маріи Глинской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 30 руб.; итого 105 рублей.

5. *Священника Самона Чернявскаго*; вдовѣ священника *Покровской* церкви села *Сторожевой Александрѣ Ясубовской* 30 руб.; вдовѣ священника *Георгіевской* церкви села *Надеждовки Даріи Поликарповой* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 25 руб.; заштатному пономарю *Александроневской* церкви села *Чутова Митрофану Пономареву* валькѣ съ малолѣтнимъ сыномъ 5 руб.; заштатному пономарю *Георгіевской* церкви села *Васидьевки Максиму Лысенку* валькѣ 8 руб.; итого 68 рублей.

2. Кременчугскаго уезда.

6. *Протоіерея Луки Блявскаго*; вдовѣ дьячка *Маріе-Магдалинской* церкви *Кременчугскаго Богоугоднаго заведеція Маріи Діонисіевой* съ малолѣтнею дочерью 6 руб.; малолѣтнимъ сиротамъ дьячка *Николаевской* церкви мѣстечка *Штокъ Петру, Ивану и Маріи Гонтаровскимъ* 15 руб.; вдовѣ исправляющаго должность псаломщика *Кременчугской соборной церкви Александрѣ Черняховской* старухѣ 5 руб.; діаконской дочери *Кременчугской Преображенской* церкви *Маріи Леонтовичевой* старухѣ 5

руб.; вдовѣ дьячка Крюковской Покровской церкви Евсеи-
мии *Фреенковой* старухѣ 5 руб.; вдовѣ священника Па-
раскевѣ *Карюковой* старухѣ 7 руб.; вдовѣ исправляющаго
должность псаломщика Крюковской Покровской церкви
Вѣрѣ *Нестеренковой* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 10
руб.; итого 53 рубля.

7. *Священника Алексѣя Базилевича*: заштатному діакону
Предтеченской церкви села Лебеховки Георгію *Лебедин-*
скому старику 10 руб.; заштатному дьячку Николаевской
церкви села Святиловки Михаилу *Дукьянову* слѣпому, съ
женою, старикамъ 8 руб.; заштатному пономарю Успен-
ской церкви села Максимовки Теодору *Коркушкѣ* съ
женою старикамъ 6 руб.; вдовѣ исправляющаго должность
псаломщика Крестовоздвиженской церкви села Мозолѣвки
Агафіи *Росинской* съ 5-ю дѣтьми 10 руб.; итого 34
рубля.

8. *Протоіеря Анасія Чернышевскаго*: вдовѣ дьячка
Преображенской церкви села Твердохлѣбовъ Еленѣ *Ко-*
кольницкой старухѣ калѣкѣ 7 руб.; вдовѣ дьячка Михай-
ловской церкви села Кагамлыка Аннѣ *Гиренковой* съ 2-мя
малолѣтними дѣтьми 10 руб.; вдовѣ исправляющаго долж-
ность псаломщика Рождество-Богородичной церкви села
Ярошей Евфросиніи *Грановской* съ 3-мя малолѣтними
дѣтьми 12 руб.; вдовѣ діакона Вознесенской церкви мѣ-
стечка Пустовойтова Александрѣ *Нестеровской* съ 3-мя
малолѣтними дѣтьми 15 руб.; итого 44 рубля.

9. *Священника Иоанна Аврамова*: вдовѣ діакона Успен-
ской церкви села Песовѣ Евпраксіи *Дукьяновой* старухѣ
слѣпой съ дочерью больною, 10 руб.; діакономской дочери
Пресбраженской церкви мѣстечка Келоберды Надеждѣ
Герасимовской старухѣ 8 руб.; вдовѣ священника Нико-

лаевской церкви мѣстечка Келеберды Маріи *Бохкаловской* старухѣ 10 руб.; вдовѣ исправляющаго должность псаломщика Трехъ-Святительской церкви села Васильевки Олимпіадѣ *Кущинской* съ 3-мя дѣтьми 15 руб.; вдовѣ исправляющаго должность псаломщика той же церкви и села Татианѣ *Грозинской* съ 2-мя дѣтьми 8 руб.; вдовѣ діакона того же села Аннѣ *Гладкой* съ 5-ю дѣтьми 10 руб.; вдовѣ діакона Вознесенской церкви села Пришиба Иринѣ *Чумаковой* старухѣ съ дочерью 6 руб.; вдовѣ священника Преображенской церкви села Броварокъ Агрипинѣ *Насвѣтовой* съ дѣтьми 10 руб.; вдовѣ пономаря Трехъ-Святительской церкви села Васильевки Аннѣ *Лукаевской* старухѣ 6 руб.; заштатному пономарю Покровской церкви села Кобелячка Аѳанасію *Грозинскому* старику 5 руб.; вдовѣ дьячка мѣстечка Келеберды Анастасіи *Левичкой* старухѣ 5 руб.; итого 93 рубля.

3. Роменскаго уѣзда.

10. *Священника Василия Скитскаго*: вдовѣ діакона при Христово-Рождественской церкви села Рѣпокъ Александрѣ *Петровской* старухѣ 6 руб.; вдовѣ пономаря Николаевской церкви села Житнаго Анастасіи *Орановской* съ малолѣтнею дочерью 8 руб.; итого 14 рублей.

11. *Священника Константина Трояновскаго*: вдовѣ пономаря Преображенской церкви села Бобрика Епистиміи *Тарасюковой* старухѣ 5 руб.; итого 5 рублей.

12. *Священника Петра Андріевскаго*: священнической дочери села Боршны, Прилукскаго уѣзда, Неонилѣ *Гривовской* калѣѣ 10 руб.; вдовѣ діакона Роменской Воз-

несенской церкви *Маріи Браташевской* старухѣ 6 руб.;
итого 16 рублей.

13. *Священника Петра Потоцкаго*: вдовѣ діакона Николаевской церкви мѣстечка Смѣлаго *Александрѣ Петровской* старухѣ 5 руб.; малолѣтнему дьячковскому сыну Трехъ-Святительской церкви того-же мѣстечка *Прокопію Золотухѣ* 5 руб.; итого 10 рублей.

14. *Священника Іоанна Лебединскаго*: вдовѣ пономаря Рождество-Богородичной церкви мѣстечка Хмѣлова *Отиніи Левандовской* больной, съ малолѣтнимъ сыномъ, 8 руб.; дьячковской дочери *Благовѣщенской* церкви села Великихъ-Бубновъ *Аннѣ Левандовской* 8 р.; итого 16 рублей.

15. *Священника Парамона Гонтаровскаго*: вдовѣ пономаря Михайловской церкви села Коровинець *Маріи Гонтаровской* съ 3-мя малолѣтними дѣтьми 8 руб.; вдовѣ діакона Николаевской церкви села Курмановъ, *Надеждѣ Давидовой* старухѣ 8 руб.; итого 16 рублей.

4. Миргородскаго уѣзда.

16. *Протоіерея Андрея Зубковскаго*: вдовѣ дьячка Миргородской Троицкой церкви *Θеодосіи Гиренковой* старухѣ 6 руб.; малолѣтнимъ сиротамъ дьячка той же церкви *Александрѣ* и *Аванасію Веретильниковымъ* 6 р.; вдовѣ священника Варваринской церкви села Горкушинець *Евфросиніи Зубковской* старухѣ 10 руб.; вдовѣ дьячка Преображенскѣй церкви села Петровецъ *Анастасіи Александровской* съ малолѣтнимъ сыномъ 6 руб.; вдовѣ дьячка Георгіевской церкви села Ерокъ *Еленѣ Зубковской* съ малолѣтнимъ сыномъ 6 руб.; вдовѣ дьячка Покровской

церкви села Ббликовъ *Василиссѣ Ольшниковой* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 8 руб.; итого 42 рубля.

17. *Протоіерея Теодора Акимовича*: вдовѣ священника Николаевской церкви мѣстечка Сорочинець *Пелагеи Евфимовичевой* старухѣ 6 руб.; заштатному дьячку той же церкви *Спирidonу Герасимовскому* старику 6 руб.; дьячковскимъ малолѣтнимъ сиротамъ Покровской церкви села Великаго-Перевоза *Евдокии* и *Никитѣ Сачавиовымъ* 8 руб.; заштатному дьячку Покровской церкви села Портянокъ *Василію Богаевскому* старику 6 руб.; вдовѣ священника Успенской церкви села Барановки *Марѣѣ Греченковой* съ малолѣтнимъ сыномъ 12 руб.; вдовѣ пономаря Зѣвковской Николаевской церкви *Аннѣ Трипольской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 6 руб.; *четыремъ малолѣтнимъ дѣтямъ* удаленаго отъ должности пономаря Покровской церкви села Олѣфировки *Стефана Величка* 8 руб.; итого 52 рубля.

18. *Священника Гавріила Греченка*: вдовѣ пономаря мѣстечка Яресекъ *Евфросиніи Борбицкой* старухѣ 5 р.; вдовѣ діакона Троицкой церкви мѣстечка Богачки *Олимпіадѣ Вышегородской* съ малолѣтнимъ сыномъ 10 руб.; вдовѣ исправляющаго должность псаломщика Николаевской церкви села Матяшовки *Татіанѣ Бутенковой* съ 4-мя малолѣтними дѣтьми 10 руб.; итого 25 рублей.

19. *Священника Іліи Базилевича*: вдовѣ пономаря Александрo-Невской церкви мѣстечка Поповки *Маріи Самойловичевой* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 8 р.; вдовѣ священника Рождество-Богородичной церкви мѣстечка Комышны *Параскевѣ Стеблинской* старухѣ 10 р.; вдовѣ пономаря Преображенской церкви того же мѣстечка *Пелагіи Бѣлецкой* старухѣ калѣкѣ 10 руб.; вдовѣ исправ-

ляющаго должность псаломщика Покровской церкви мѣстечка Хомутца Параскевѣ *Веретильниковой* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 8 руб.; заштатному священнику Михайловской церкви села Зуевецъ Петру *Въловольскому* старуку 25 руб.; вдовѣ дьячка Преображенской церкви мѣстечка Комышны Евдокии *Климовичевой* старухѣ 5 р.; итого 66 рублей.

5. Хорольскаго уѣзда.

20. *Протоіерея Николая Оедоренка*: вдовѣ пономаря Хорольской Воскресенской церкви Елизаветѣ *Дроздовской* старухѣ 5 руб.; тремъ малолѣтнимъ сиротамъ дьячка Троицкой церкви села Вышняковъ *Татианѣ*, *Маринѣ* и *Оеодору Артемьевымъ* 10 руб.; итого 15 рублей.

21. *Священника Петра Клепачевскаго*: вдовѣ священника Вознесенской церкви села Ново-Аврамовки Аннѣ *Клепачевской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 20 руб.; вдовѣ пономаря Покровской церкви села Милушекъ Евфросини *Пючевской* старухѣ 5 руб.; итого 25 рублей.

22. *Священника Іоанна Ушацкаго*: вдовѣ священника Стефановской церкви села Степановки Евдокии *Богаевской* съ 2-мя малолѣтними дѣтьми 15 руб.; вдовѣ священника той же церкви Аннѣ *Максимовичевой* старухѣ 10 руб.; вдовѣ дьячка той же церкви Іуліаніи *Росошинской* старухѣ 5 руб.; вдовѣ священника Преображенской церкви м. Горопина Аганіи *Бутенковой* старухѣ 8 руб.; вдовѣ діакона Вознесенской церкви мѣстечка Снѣтина, Лубенскаго уѣзда, проживающей въ селѣ Хильковѣ, Евдокии *Собронской* старухѣ 6 руб.; итого 44 рубля.

23. *Священника Павла Волкова*: вдовѣ діакона села Байракъ, Миргородскаго уѣзда, проживающей въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ, Наталіи *Геновской* старухѣ 5 руб.; священнической дочери Покровской церкви мѣстечка Балаклии Параскевѣ *Цетечинской* старухѣ 5 руб.; итого 10 рублей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНІЕ: О созваніи обще-епархіального Съѣзда духовенства Полтавской епархіи въ текущемъ 1884 году. I Высочайшія награды.—II. Распоряженія Епархіального Начальства.—III. Извѣстія и объявленія.

Печ. съ дозв. цензуры 1 мая 1884 г. Прот. М. Гаврилковъ.

Редакторъ официальной части, Протоіерей Іосифъ Діателовичъ.

ПОЛТАВСКАЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1884 года. № 9-й. Мая 1-го.

I.

РѢЧЬ

предъ панихидою 19-го февраля 1884 года.

(Къ простому, вышему крѣпостному, народу).

Сегодня 19 числа февраля. Перенеситесь, братіе, мыслю за 23 года назадъ, къ 1861 году, и припомните, какъ тогда всѣ русскіе люди ожидали этого дня и какъ его проводили? Русский народъ ожидалъ этого дня такъ, какъ ожидаемъ свѣтлаго праздника, а проводилъ его такъ радостно, какъ не проводилъ до того времени ни одного дня. Причина такой радости взрослому извѣстна; а вы, молодые люди и дѣти, послушайте, что я вамъ скажу.

Въ этотъ день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вывелъ изъ рабства на свободу болѣе двадцати милліоновъ русскихъ людей, — даровалъ имъ волю. До того времени всѣ эти люди не имѣли самостоятельныхъ гражданскихъ правъ, а принадлежали помѣщикамъ, какъ ихъ собственность. У добраго помѣщика крестьянамъ жилось довольно сносно, но были и такіе владѣльцы, которые смотрѣли на крестьянъ, какъ на рабочую силу, помимо ихъ человѣческаго достоинства. Положеніе крестьянъ у такихъ помѣщиковъ было довольно тяжелое и оскорбительное для человѣка, — существа нравственно-свободнаго, украшеннаго образомъ и подобіемъ Божиимъ при сотвореніи и удостоеннаго благодатнаго сыноположенія по искупленію чрезъ Единороднаго Сына Божія. Забота нашихъ благовѣрныхъ Государей Императоровъ вывести крестьянъ изъ ихъ неестественнаго, случайно образовавшагося, положенія возникла давно, но, по разнымъ обстоятельствамъ, исполненіе ея откладывалось день отъ дня...

Но вотъ, въ 1861 году 19 февраля, Державною рукою Государя Императора Александра Николаевича оковы рабства были сокрушены, русскій крѣпостной народъ получилъ давно желанную волю. Мы теперь и представить себѣ не можемъ той радости, которая охватила тогда всѣхъ этихъ, томившихся въ неволѣ, людей! Какъ только стало извѣстнымъ о Державной волѣ Царя, восторгъ всѣхъ былъ неописуемъ: цѣловались другъ съ другомъ, плакали, смѣялись, спѣшили во св. храмы возблагодарить Господа Бога и помолиться о Царѣ-Освободителѣ. И пламенна была эта молитва, какъ пламя тѣхъ трудовыхъ свѣчей, которыя горѣли предъ святыми иконами. Да, день 19 февраля 1861 года глубоко-памятенъ для русскаго народа; онъ никогда не изгладится въ исторіи и

памяти народной, какъ день разсвѣта, съ котораго Россія много возрасла и окрѣпла въ умственномъ, нравственномъ и материальномъ отношеніяхъ; а причина всего этого — уничтоженіе рабства. Послѣ этого посыпались на насъ Царскія милости, которыми мы и теперь пользуемся: вмѣсто прежняго тягучаго, а часто и не совсѣмъ праваго, суда, намъ дарованъ судъ скорый, гласный, правый и для всѣхъ сословій одинаково милостивый; вмѣсто прежняго невѣдѣнія, темноты сталъ распространяться свѣтъ образованія и науки между всѣми сословіями; вмѣсто прежней воинской повинности, которая всею тяжестью своею ложилась на одно только податное сословіе, введена всесословная воинская повинность; введено общественное самоуправленіе, — словомъ, излиты на насъ всѣ милости, которыя ведутъ насъ и всю Россію къ богатству, славѣ и могуществу. И дѣйствительно, посмотрите вокругъ себя и увидите, что вы теперь не таковы, какими были ваши дѣды и отцы, или даже вы сами, при существованіи крѣпостнаго права. Нѣтъ между вами той приниженности, заботности и пугливости, которая прежде клонила вашу голову къ землѣ; вы теперь смѣло смотрите на людей и міръ Божій, ясно сознавая, что вы твореніе Божіе, равноправное со всѣми людьми предъ Богомъ и закономъ. Нѣтъ между вами и той поражающей нищеты, которая виднѣлась прежде на каждомъ шагу. Если и встрѣчаются теперь между вами бѣдняки, то это или особенно несчастные люди, претерпѣвшіе много всякой бѣды, или же такіе, которые лѣнятся трудиться, или если и работаютъ, то любятъ много выпить. Ничто такъ не доводитъ до бѣдности, какъ пьянство; а между вами, братіе, не въ обиду будь сказано, много такихъ, которые не въ мѣру любятъ выпить.

Умѣйте же, братіе, благоразумно пользоваться даро-

ванною вамъ свободою: молитесь Богу, учитесь, трудитесь, подалше уходите отъ шинковыхъ заведеній, и вы будете пользоваться достаткомъ и всѣми благами, излитыми на васъ въ Возѣ почившимъ Царемъ-Освободителемъ.

Но вотъ, братіе, съ воспоминаніемъ великаго событія въ Россіи 19 февраля 1861 года, Церковь наша напоминаетъ намъ нынѣ и другое, но уже безмѣрно-горестное, неслыханное въ нашемъ отечествѣ событіе. Какое? Я разумю мученическую кончину благодѣтельнаго Монарха, Александра Николаевича. Горько вспомнить объ этомъ событіи! Страшно подумать, что между нашими же русскими православными нашлись злодѣи, поднявшіе разбойничью руку на Помазанника Божія! Горе намъ грѣшнымъ!.. Будемъ молить милосердаго Бога, да проститъ Онъ намъ этотъ тяжкій грѣхъ, да искоренитъ между нами своеволие и крамолу, доведшія Россію до такого грѣха и несчастія, и да обратитъ на путь истины всѣхъ внутреннихъ враговъ Россіи, чтобы они не были помѣхою благимъ начинаніямъ нынѣшняго нашего возлюбленнаго Государя Императора Александра Александровича.

Не будемъ никогда забывать въ своихъ молитвахъ Царя-Освободителя, а паче въ этотъ день; это доставитъ Ему утѣшеніе, порадуетъ и Сына Его, нашего Государя Императора Александра Александровича.

Помолимся, братіе, и сейчасъ о почившемъ Царѣ-Мученикѣ! Да упокоитъ Господь душу Его въ селеніяхъ праведныхъ.

Священникъ *Владиміръ Дубняковъ*

С Л О В О

предъ принятіемъ св. Христовыхъ Тайнъ.

*Вѣрую, Господи, и исповѣдую,
яко Ты еси воистину Христось
Сынъ Бога живаго, пришедый
въ міръ грѣшныя спасти.*

Хочется вѣрить, братіе, что всѣ здѣсь предстоящіе, готовясь къ принятію св. Христовыхъ Тайнъ, готовились съ полнымъ пониманіемъ всей важности и святости сего святаго таинства, а равно и той великой отвѣтственности, какая ожидаетъ каждаго изъ насъ въ томъ случаѣ, если мы приступимъ къ нему безъ должнаго благоговѣнія и усердія. Хочется вѣрить, что насъ собрала сюда одна святая вѣра, искренняя и сердечная, не допускающая и тѣни сомнѣнія въ томъ, что Спаситель міра *есть воистину Христось Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти*, и что сіе *есть* самое пречистое Тѣло Его, и сія *есть* самая честная Кровь Его. Только *вѣруй въ Сына, имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но имъже Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36). Хочется вѣрить, поэтому, что каждый изъ насъ мысленно повторяетъ въ настоящую минуту краткую, но исполненную глубокаго смиренія и униженія, молитву евангельскаго мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13). Хочется вѣрить, также, что всѣ мы проникнуты въ сію священную минуту искреннимъ раскаяніемъ евангельскаго блуднаго сына, его твердою рѣшимостію возвратиться въ домъ отца своего и начать жизнь новую, лучшую, по

примѣру его твердаго рѣшенія: *воставъ, иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарешися сынъ твой...* (Лук. 15, 18-19). Хочется вѣрить, что каждый изъ насъ предстоить здѣсь съ искреннимъ раскаяніемъ евангельскаго Закхея, съ его открытымъ сердцемъ, ищущимъ Господа, и вмѣстѣ съ нимъ взываетъ: *се полъ имънія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращаю четверницею.* (Лук. 19, 8).

Почему, бр., говоримъ мы такъ? Потому, что если бы не вѣрить, что мы все до единого готовы открыто исповѣдывать свою вѣру въ Иисуса Христа, что Онъ есть воистину Божій Сынъ, Спаситель грѣшниковъ, и что сія есть самое пречистое Тѣло Его, и сія есть самая честная Кровь Его; если бы не вѣрить, что мы приступаемъ къ принятію сихъ св. Таинъ съ полнымъ сознаниемъ важности и святости сего святаго таинства, тогда для насъ оставалась бы одна горькая и ужасная мысль, что мы становимся во враждебное положеніе ко Христу и тѣмъ самимъ какъ бы снова предаемъ его на судъ незаконныхъ, — снова возлагаемъ на Его пречистую главу тотъ позорный терновый вѣнецъ, какимъ она была увѣнчана въ день Его страданій *насъ ради человекъ и нашего ради спасенія.* Не дай Богъ, (если бы мы принесли Ему теперь вмѣсто вѣры — невѣріе, вмѣсто глубокаго смиренія — гордость и вражду, вмѣсто сыновней искренней любви къ Нему — оружіе и трость. Вотъ почему, братіе, хотѣлось бы видѣть здѣсь однихъ истинно вѣрующихъ и искренно кающихся.

Итакъ, братіе, только приступающій къ симъ св. Тайнамъ съ вѣрою и любовью будетъ и причастникъ жизни вѣчной, а приступающій и причащающійся недостойно

вмѣсто оправданія, приметъ осужденіе, по слову св. Апостола Павла: *ядый и пійай, недостойнть, судъ себѣ ястъ и пїетъ, не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. 11, 29).

Священникъ Ѳеодоръ Вассаковскій.

Р ъ Ч Ъ

предъ молебствіемъ по случаю открытія внѣ-церковныхъ воскресныхъ религіозно-нравственныхъ народныхъ чтеній въ г. Переяславѣ, 26 февраля 1884 года.

Достопоищенное собраніе!

Нынѣ у насъ день воскресный. По заповѣди Божіей, день этотъ долженъ всецѣло посвящаться Господу Богу: *помни день субботный, заповѣдалъ Богъ народу еврейскому.... шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему.* Для насъ, христіанъ, суббота есть день воскресный. Какъ же мы должны святить день сей? Главная и первая священная обязанность, возлагаемая на насъ днемъ воскреснымъ, есть посѣщеніе храма Божія, присутствіе при богослуженіи и особенно на литургіи. Храмъ Божій есть для насъ постоянное училище благочестія; въ немъ каждый обильно можетъ почерпнуть спасительные уроки жизни христіанской....

Но то освященіе, то благочестивое настроеніе, какое мы получаемъ отъ молитвы во храмѣ, должно продолжаться и по выходѣ изъ храма; а для этого мы должны и по выходѣ изъ храма заниматься дѣлами, пригодными для поддержанія благочестиваго настроенія. „По выходѣ

изъ храма, говорить св. Златоустъ, не надлежитъ намъ приниматься за дѣла житейскія, но, пришедши домой, надобно взять какую либо священную книгу, напримѣръ, библію, если имѣешь, или какую другую, поучающую вѣрѣ и благочестію, читай оную со вниманіемъ и размышленіемъ и поучайся жить свято для Господа и спасенія души своей. Если самъ не умѣешь грамотѣ, то проси умѣющаго и слушай его; если не случится ни одного грамотнаго, то занимайся душеспасительными разговорами о Богѣ, небѣ, о смерти, о жизни вѣчной и другихъ важныхъ предметахъ“ (см. брош. о провожден. воскресныхъ дней стр. 27-я).

Но такое благое наставленіе св. отца Церкви многими ли выполняется? Кажется, весьма, весьма немногими. Между тѣмъ, знакомство съ закономъ Божиимъ, изученіе Его откровеннаго слова есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей христіанина всякаго званія и состоянія. Законъ Божій есть свѣтильникъ ногамъ нашимъ, говоритъ Псалмопѣвецъ. (Псал. 118, 105). Онъ есть главный руководитель на всѣхъ путяхъ земной жизни нашей и путеводаитель къ жизни вѣчной.

И вотъ, чтобы пособить вамъ въ должномъ препровожденіи внѣ-богослужебныхъ часовъ дня Господня, чтобы дать возможность въ этотъ день всѣмъ поучаться болѣе въ законѣ Божиимъ, въ нашемъ градѣ образовалось, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, общество для веденія внѣ-церковныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній народныхъ. Чтенія эти здѣсь же будутъ вестись по воскреснымъ днямъ отъ трехъ до пяти часовъ по полудни. Вотъ цѣль настоящаго вашего собранія. Кто изъ васъ благочестивъ и боголюбивъ, тотъ съ любовію отнесется къ подобнаго рода чтеніямъ: онѣ обогатятъ его свѣдѣніями изъ исторіи Церкви христіанской и житія

святыхъ, разъяснить многое изъ области вѣроученія и правоученія христіанскаго и богослужебныхъ дѣйствій Церкви. Словомъ, изъ широкой области христіанскихъ знаній предметомъ чтеній будетъ избираться то, что болѣе доступно пониманію всѣхъ и болѣе необходимо для пополненія и уясненія религиозныхъ вашихъ знаній и направленія жизнедѣятельности вашей въ духѣ православной Христовой Церкви.

Сегодня имѣеть быть предложено вашему вниманію первое чтеніе изъ исторіи Церкви христіанской: „времена иконоборства.“ Но прежде, чѣмъ приступимъ къ самому чтенію, вознесемъ усердное моленіе ко Всевышнему, да благословитъ Онъ начинаемое нами дѣло и да направитъ оное къ славѣ святаго Его имени, къ освященію вѣрующихъ въ Него чрезъ познаніе и уясненіе Его закона.

Протоіерей Николай Терлецкій

Р Ѣ Ч Ъ

іеромонаха Наеанаила, сказанная имъ 31 марта сего 1884 г. въ Крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома, при возведеніи его въ санъ игумена Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Я вполне сознаю, что санъ, котораго я сего дня удостоенъ святительскою властію Твоею, налагаетъ на меня новѣйшій подвигъ. Это — не только мнѣ самому, съ полнымъ самоотверженіемъ, нести иго Христово, но руководить къ оному и другихъ, вѣранныхъ моему попеченію. Мнѣ ли, немощному и по духу, и по тѣлу, выполнить

такую трудную обязанность, къ которой способны были одни только св. великіе подвижники Антоній, Теодосій и другіе преподобные и Богоносные отцы? Но, воодушевляясь вѣрою и надеждою на премилосердаго Господа, я ободряюсь тѣмъ, что *сила Божія въ немощахъ совершается*, что это Христово благо и бремя Его легко есть и что святительское руководство и Архипастырскія молитвы Твои поддержать меня на трудномъ поприщѣ новаго служенія моего.

На эту рѣчь любвеобильный Архипастырь отвѣтилъ кратко, но съ особеннымъ, свойственнымъ ему, чувствомъ: вѣра твоя низведетъ на тебя благодать св. Духа, которая дастъ тебѣ силы исполнить трудное служеніе твое.

II.

Украинскій философъ Григорій Савичъ Сковорода и его нравственно-философское ученіе.

(о к о н ч а н і е).

Произведеніе Сковороды—„Пря Бѣсу со Варсавою“—имѣли мы въ двухъ изданіяхъ: въ „Соч. въ стих. и прозѣ Гр. Сав. Сковороды“ (полное изданіе) и въ „Истор. Фил.“ Архим. Гавриила, т. VI, стр. 69, 1840 г. (отрывки этого произведенія). Общее содержаніе этого произведенія Сковороды слѣдующее.—„Егда во обновленіи міра,—говоритъ авторъ,—сбылося на мнѣ оное: вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ“; тогда въ пустынь явился мнѣ бѣсъ, по имени Даймонъ. Даймонъ обратился къ автору (Варсавѣ) съ такими словами: „Слыши, Варсаво, младенькій уме, сердце безобразное, душе исполнена паучины, не поу-

чающая, но паучающая, — ты ли еси творяи странниа догматы и новыа славы“ (мнѣнія и мысли)? Варсава на это отвѣчаетъ: „Мы-то Божіею милостію рабы Господни есмы и дерзаемъ благовѣстити Божію славу сію: яко злость трудна и горька, благость же легка и сладка“. Въ опроверженіи этого положенія Сквороды Даймономъ и въ защитѣ его Сквородою и состоитъ все содержаніе этого произведенія. Это положеніе Сквороды Даймонъ въ первомъ отдѣлѣ разсматриваемаго нами произведенія опровергаетъ такъ. Отвергни, Варсава, сіе: нуждность не трудна. Вѣдь, ты написалъ 30 притчей, ты къ одной изъ нихъ — „Бюффонъ и змія“ — написалъ толкованіе: „Чѣмъ больше добро, тѣмъ большимъ то трудомъ ограждено, какъ рвомъ“. Итакъ, видишь-ли, ты самъ себѣ противорѣчишь, „разоряя созданное тобою самимъ прежде“, когда говоришь, что злость трудна, а благость легка. Ты — преступникъ, грѣшникъ, грѣхъ же по Гречески значитъ: преступленіе, буйство, заблужденіе... Зачѣмъ же ты самъ, слѣпецъ, дерзаешь наставлять слѣпцевъ, узаконяи странное и неслыханное? Кайся!.. Перестань проповѣдывать свое изреченіе и повтори вмѣстѣ съ прочими: прекрасное трудно, злое — легко. Если же нѣтъ, ты ополчаешься на всѣ академіи и на всѣ школы... Ты ополчаешься и на Библию, гласящую, что тѣсенъ путь, ведущій въ царствіе небесное, что малое есть стадо спасающихся, что мнози възвѣщуютъ внити и не возмогутъ... Варсава на эти возраженія Даймона отвѣчаетъ: „Нѣсмь Богъ, и согрѣшаю, нѣсмь бѣсъ, и каюся, но отвергаю сіе слово твое: не буди творецъ догматовъ новыхъ!.. Ты превращаешь путь Божіихъ словесъ въ лукавую твою стезю. Какъ можетъ трудомъ устрашить Тотъ, Кто призываетъ, говоря: приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи?.. Тѣсенъ входъ въ царствіе Божіе, но вельблуду, а не чече-

ловѣку; вѣлблюдъ же есть душа мѣрскимъ бременемъ отягченная, т. е. богатствомъ, пирами и сластями мѣра сего... Этимъ злымъ душамъ тѣсенъ путь въ царствіе Божіе; но злоба дѣлаетъ для нихъ этотъ путь труднымъ, какъ устройство глазъ нетопыря дѣлаетъ для него труднымъ смотрѣть на солнце.. Тѣсенъ входъ въ царствіе Божіе, но оттого, что злѣ просятъ, не пріемлютъ... Это зависитъ отъ свободной злой воли просящихъ; свободная же воля дана людямъ для того, „дабы ради той мучимы, они навькнули покоряться правдѣ“... Но ты скажешь: итакъ, все общее и все бываемое въ мѣрѣ есть зло? Нѣтъ; не всѣ-ли и не вездѣ-ли и всегда наслаждаются пищи и питія—и это благо, но благо, если это не есть хлѣбъ лжи и вода пререканія.. Не благо-ли вѣра во Христа, изшедшая благовѣстіемъ въ концы вселенной?!.. Благо, но не суетному мѣру: мѣръ суетное только лице носить, имущее образъ благочестія, Духа же вѣры и плодовъ Его онъ не имѣетъ. И думаешь-ли ты, что обрѣщеть Сына Человѣческой вѣры въ суетномъ мѣрѣ!? Ты скажешь: свято общее воскресеніе, увѣряемое Лазаревымъ воскресеніемъ.. Свято, какъ общее вѣрнымъ, но не мѣру въ болотѣ погрязшему“... (стр. 244—259). Содержаніе втораго отдѣла разсматриваемаго нами произведенія Сквороды, который озаглавивается—„Предѣль, яко все, еже въ мѣрѣ, похоть очесъ, трудъ и горестъ“—слѣдующее. Даймонъ, продолжая опровергать положеніе Варсавы,—„злость трудна—благость легка,“—даетъ вопросъ Варсавѣ: „Не ты ли сказалъ, что мѣръ есть безчисленное собрание незаконныхъ и что малолюдное стадо благочестивыхъ? Если же это такъ, то беззаконіе легко, благочестіе же трудно, такъ какъ первое малымъ, второе же всѣмъ достигаемое?!“ На это Варсава отвѣчаетъ: „Если благость трудна, Богъ виною былъ бы стражду-

щему міру; нынѣ же согрѣшающіе не имутъ вины о грѣхѣ своемъ, такъ какъ они возлюбили горестъ, паче сладости. Подумай, что легче: красть или не красть? Но весь міръ полонъ воровъ и разбойниковъ, полонъ зависти, грабленія, хулы, тяжбы, татьбы, убійства, клеветы, лицемѣрія, лихоимства, любодѣянія, студодѣянія, суевѣрія. И это оттого, что міръ возненавидѣлъ Божію благодать и возлюбилъ паче всего злую волю свою.

Воля! о, не сытый адъ!

Все тебѣ ядъ, всѣмъ ты ядъ.

День ночь челюстями зѣваешь,

Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь.

Аще змію сію заклатъ —

Се упраздненъ весь адъ!

Для того, чтобы упразднить эту злую волю, нужно

возлюбить Бога; тогда наша ветхая воля преобразится

въ новую волю и въ новое сердце, — тогда злая воля не

будетъ мірскимъ богомъ „воля же плоти, сердце міра,

духъ ада, богъ чрева и похоть его, сердце нечистое —

есть тоже. Это — нечистая сердечная бездна, во мгновение

ока раждающая безчисленные легіоны духовъ и тьмы мы-

сленныхъ мечтъ въ мученіе всѣмъ“... (стр. 260—264).

Третій отдѣлъ этого произведенія Сквороды надписы-

вается: „Край Райскій“. „Эпиграфъ“ его такой: „Благо-

словенно царство блаженнаго Отца, положшаго потреб-

ная во удобности, неудобная же дѣла во непотребъ“. Со-

держаніе этого отдѣла, представляющаго дальнѣйшее

раскрытіе мысли всего произведенія, — благодать не трудна,

злость трудна, — слѣдующее. Варсава разсуждаетъ: вся-

кая удобность честна, всякая честность удобна, всякая

трудность безчестна, всякая безчестность трудна... Такъ,

не только пять ячменныхъ хлѣбовъ, но и полхлѣба чест-

ны суть паче предрагоцѣннаго адаманта. Почему? Ада-

мантъ безчестный, потому что не удобный, не удобный потому, что не нужный, потому что не полезный, — не полезный потому, что драгоценный... Драгоценность же творить честно только духъ міра, возлюбившій трудъ и болѣзнь, духъ моря мірскаго, сердце плотское, отецъ лжи, сатана, всякія муки вина и всякой злости источникъ.. (264—268).

Произведение Сквороды — „Бесѣда, нареченная двое, — о томъ, что блаженнымъ быть легко“, имѣли мы въ двухъ изданіяхъ: въ „Соч. въ стих. и прозѣ Гр. Сав. Сквороды“ (стр. 203 — 244) и отдѣльное изданіе, изд. въ Москвѣ 1837 года. Содержание этого произведенія мы будемъ излагать по отдѣльному его изданію 1837 года. Основная мысль этого произведенія слѣдующая. Къ собесѣдующимъ лицамъ, выведеннымъ въ этомъ произведеніи, Нееману, Михаилу, Израилу и Даніилу, является пріятель ихъ Фарра съ словами: „Нееманъ! Нееманъ! Утѣшь мене, другъ мой! Сирены (льстивые люди) наполнили сердце мое жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ... Не чудо-ли сіе? Есть де въ Европѣ нѣкій пророкъ, святой Іеремій! Онъ нашель отъ травъ сокъ, обновляющій ему и друзьямъ его младость, яко орлюю юность. Другое чудо: нѣкій докторъ медицины питался только хлѣбомъ и водою и жилъ безъ всякихъ болѣзней лѣтъ 300. Третье чудо: нѣкій калмыкъ имѣеть столь быстрые очи, что яснѣе и далѣе видитъ, чѣмъ какая либо зрительная трубка. Вотъ чѣмъ плѣнили меня сладкогласыя Сирены! А мои очи день ото дня слабѣють, не думаю прожить и 20 лѣтъ. Кто же мнѣ и какая страна обновить юность? Вѣкъ мой оканчивается!“ На эту жалобу Фарры Даніиль, Михаилъ и Израиль отвѣчаютъ: „Не тужи, Фарра! Друзья Іереміины состарѣють, безболѣзніе докторово прервется, очи калмыковы потемнѣють, терпящіи же

Господа обновлять вѣрѣность; ибо единъ Онъ есть камень твердый, чтобы безопасно основать на немъ счастья нашего храма... Всяка плоть—сѣно, глаголь же Божій пребываетъ во вѣки... Плюнь же на Еремѣеву юность, на докторово триста-лѣтіе и калмыцкіе глаза: все то не наше, что насъ оставляетъ. Одинъ умираетъ въ 300, а другой—въ 30 лѣтъ. Если умирать есть несчастье, такъ оба бѣдны. Не дѣлай же долгою ничего, что прекращается, не именуи счастьемъ ничего, что опровергается... не слушай же Фарра оныхъ пустынныхъ птицъ, Сириновъ, сладкорѣчивыхъ дураковъ, влекущихъ тебя къ тому, чтобы ты основалъ счастье твое на камени томъ, который не утверждаетъ, но разбиваетъ... А слушай сихъ птицъ: Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей... Подъяхъ васъ, яко на крылѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ... Идѣже трупъ, тамо соберутся орлы... Яко ластовица, тако возошю, и яко голубъ, тако поучуся... Кто мнѣ дастъ крилѣ, яко голубинѣ... Слушай сихъ птицъ, и помни, что вездѣ нужно видѣть двое... Помни, что плоть бренная твоя есть здѣшній міръ, песочный грунтъ, море Сиренское и камни претыканія. Но тамъ, за твоею плотью, находится земля посреде воды, словомъ Божиимъ держама, и если ты не нощный, но излетѣвшій изъ ковчега врань, если ты ластовица или голубица, познавшая себе, то есть, видящая двое: міръ и міръ, тѣло и тѣло, человѣка и человѣка, двое въ одномъ и одно въ двоихъ нераздѣльно и не слитно же... Если ты вѣруешь, что все, что ты осязаешь въ наружности твоей, что все то имѣешь въ славу и въ тайности твоей истинное, твоею внѣшностію, душевнымъ твоимъ тѣломъ свидѣтельствуемое тѣло духовное, то вотъ приложение косямъ твоимъ: все тебя оставитъ, а сей останокъ никогда... Тогда обновится, яко орляя, юность твоя, но не тѣхъ орловъ,

что старѣють и умирають, а тѣхъ, которые въ познаніи самого себя высоко вознеслись, выше всѣхъ стихій и выше самого здѣшняго солнца, ко оному пресвѣтлѣйшему солнцу: „Ты же тойжде еси и лѣта твоя не оскудѣють“... Тогда ты будешь, по истинѣ, счастливъ и блаженъ!.. (стр. 1 — 32). Общее содержаніе второго отдѣла разсматриваемаго нами произведенія, имѣющаго заглавіе, — „Врата Господня въ новую страну, въ предѣлы вѣчности, тамо испытаемъ: легко-ли быть блаженнымъ“, — слѣдующее. Сарра, отвѣчая на заключительныя слова, высказанныя Даниломъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, — „тогда ты будешь, по истинѣ, блаженъ и счастливъ“, — замѣчаетъ: „я думалъ, что весьма трудно быть блаженнымъ... По землѣ, по морю, по преисподнихъ шатался я за щастіемъ, а оно у меня дома“... Нееманъ отвѣчаетъ, что царствіе Божіе не только дома, но въ сердцѣ и въ душѣ каждаго человѣка и что только оно одно есть для человѣка прочное основаніе, а все прочее — тлѣнь, ложь, лужа... Хочешь ли быть Павломъ Оивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ, Саввою Освященнымъ? Стяжи себѣ мужей оныхъ сердце и въ то время вдругъ, какъ молнія, преобразишься во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣливостью, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ, — вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца! Сіе иго весьма благо и легко есть... Проси у Бога, дабы Онъ далъ тебѣ сердце, видящее двое, — сердце видящее сверхъ непостоянныхъ потопныхъ мірскихъ водъ Исаиевскую твердь, берегъ и гавань, о коей онъ говоритъ: „Очи ваша узрятъ землю издалеча“... Это чистое сердце возлетѣвшее выше всякой тѣни и тлѣни, есть духъ вѣдѣнія, духъ благочестія, духъ премудрости, духъ совѣта, духъ нетлѣнныя славы, духъ и камень вѣры... Съ этимъ

сердцемъ легко быть блаженнымъ... Скажи же, Тарра: прощайте, Сирены, съ вашими тлѣнными очима, съ вашею старѣющею младостию, съ младенческимъ вашимъ долготѣемъ, — я вижу врата, отверстыя во блаженное царство свѣтлыя, нетлѣнныя страны!.. (стр. 32—50).

Произведеніе Сквороды — „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ“ — имѣли мы въ одномъ изданіи, именно — въ отдѣльномъ изданіи этого произведенія, изданномъ въ Москвѣ 1837 г. Въ этомъ отдѣльномъ изданіи разсматриваемаго нами произведенія Сквороды въ началѣ, въ видѣ предисловія, помѣщено письмо Сквороды къ Владиміру Степановичу Тевяшеву, въ которомъ Скворода выясняетъ цѣль и назначеніе этого своего произведенія. „Христова философія, — говоритъ, между прочимъ, въ этомъ письмѣ Скворода, — „обращается около сердца и врачуетъ оное. Душа есть непрерывная движимость. Крыла ея суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отъ чего. Желая, любитъ, убѣгая, боится... Мнѣнія подобны воздуху. Онѣ между стихіями не виденъ, но твердѣе земли и сильнѣе воды. Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры — весь пожаръ, мятежь и сокрушеніе... Представьте же себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и несчастіе родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ: Ищите прежде Царствія Божія... Возвратися въ домъ твой! Царствіе Божіе внутрь васъ есть!.. Омый прежде внутренность сосуда!.. Дай же Богъ читать вамъ слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ: Блаженни слышашіе

слово Божіе и хранящіи“. Лицами, собесѣдующими въ этомъ произведеніи Сквороды, являются: Аеанасій, Іаковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій. Содержаніе этого произведе- нія, въ общихъ чертахъ, слѣдующее. Собралось нѣсколь- ко товарищей и начали разсуждать о томъ, что та- кое—душевный міръ и какъ его достигнуть. Всѣ они, „наперерывъ“ одинъ передъ другимъ старались выска- зать свои мнѣнія. Дѣло отъ этого, однако, нима- ло не выяснилось. Является въ ихъ общество сосѣдъ ихъ Гри- горій и такъ отвѣчаетъ на данный вопросъ, — что такое — душевный міръ и какъ его можно достигнуть? „О ду- шевномъ мірѣ,—говоритъ Григорій,—разсуждать долж- но мирно и съ осмотрительностію, а не съ наглостію. Земнородный ничѣмъ скорѣе не попадаетъ въ несчастіе, какъ скоропостижною наглостію. Посмотрите на люд- скую толпу и смѣсь! Увидите, что не только пожи- лый, но и самыя молодые изъ нихъ льстятъ себѣ, что они вооружены рогомъ единорога, спасающаго ихъ отъ не- счастія, полагая, что какъ очамъ ихъ очки, такъ свѣтъ и совѣтъ не нуженъ сердцу ихъ... А если мой молоко- сосный мудрецъ сдѣлался двоихъ или троихъ языковъ попугаемъ, если вооружился ариѳметикою и геометри- чными кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ исторій, въ то время Платоны, Сократы, Соломоны, Пи- тагоры, Цицероны и вся древность суть одни только мо- тыльки, надъ поверхностію земли летающіе, въ сравне- ніи съ симъ высокопарнымъ орломъ. Тогда всѣ древ- нихъ вѣковъ реченія великій сей мудрецъ пересушиваетъ и, будто ювелиръ камушки, по своему благоволенію, то одобряетъ, то обезцѣняетъ. А что уже касается до Мо- исея и Пророковъ, и говорить нечего! Онъ и взгляду своего не удостоиваетъ сихъ скучныхъ говоруновъ. Со- жалѣетъ будто о ночныхъ птичкахъ, въ несчастный

мракъ суевѣрія влюбившихся... Могли-ль они, — думаетъ онъ, — знать о счастіи и душевномъ мирѣ, когда имъ и не снилось, что земля есть планета, что около Сатурна есть луна, да и не одна?.. Отчего жъ это такъ? Это, думаю, оттого, что ни о коей наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ, какъ о той, которая дѣлаетъ человѣка блаженнымъ, потому, думаю, что всякому сіе нужно, какъ будто всякому и учить должно. Правда, что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себѣ вѣдѣніе — и дурно и ошибочно. Однако думаютъ, что всякому легко сіе знать можно. Проповѣдуетъ о счастіи историкъ, благовѣститъ химикъ, возвѣщаетъ путь счастія физикъ, логикъ, грамматикъ, землемѣръ, воинъ, откупщикъ, часовщикъ, знатный и незнатный, богатый и убогій... Всѣ на сѣдалище учителей сѣли: каждый себѣ науку сію усвоилъ... но ихъ-ли дѣло учить, судить, знать о блаженствѣ? Сіе слово есть Апостоловъ, Пророковъ, священниковъ, богомудрыхъ проповѣдниковъ и просвѣщенныхъ христіанскихъ учителей, коихъ міръ никогда не лишается. Развѣ не довольно для нихъ неба и земли со всѣмъ потрохомъ? Сія должность есть тѣхъ, коимъ сказано: „Миръ мой оставляю вамъ“. Одинъ изъ всѣхъ тварей человѣкъ остался для духовныхъ, да и въ немъ портной взялъ одежду, сапожникъ сапоги, врачъ тѣло. Одинъ только владѣтель тѣла человѣческаго остался для Апостоловъ: „Онъ есть сердце человѣческое“. Правда всѣхъ земныхъ мудрецовъ — на земномъ шарѣ, но Апостольская правда внутри насъ есть, какъ написано: „Царствіе Божіе внутри васъ есть“. О мирѣ душевномъ должно судить только тѣмъ, коихъ душа миромъ ублажается, ибо счастіе наше есть миръ душевный, но сей миръ ни къ коему-либо веществу не причитается. Онъ ни золото, ни серебро, ни дерево, ни огонь, ни вода, ни звѣзды, ни

планеты. Какая-жъ приличность учить о мирѣ тѣмъ, коимъ вещественный сей миръ предметомъ? Учить о мирѣ и счастья есть дѣло однихъ только Богопроповѣдниковъ. Учить о Богѣ есть учить о мирѣ, счастья и премудрости. Что же есть самое счастье, блаженство и миръ душевный? Какъ здравіе селеніе свое имѣть не внѣ, но внутрь тѣла, такъ миръ и счастье въ самой среднѣйшей точкѣ души нашея обитаетъ и есть здоровье ея, а наше блаженство. Здоровье тѣла не иное что есть, какъ миръ тѣлесный, а миръ душевный есть живность и здоровье души, и какъ здоровье раждается послѣ очищенія изъ тѣла лишней и вредной мокроты, такъ и сердце, очищенное отъ подлыхъ мірскихъ мнѣній, безпокоящихъ душу, начинаетъ прозрѣвать сокровенное внутри себя сокровище счастья своего, чувствуя, будто послѣ болѣзни, желаніе пищи своея,—желаніе, подобное нашему орѣху, зерно жизни своей въ пустомъ молочкѣ зачинающему... Сіе блаженное утро внутри сердца свѣтатъ начинается, ведя за собою вѣдро пресвѣтлаго и вѣчнаго мира. И если бы оно было тлѣнію подвержено, то могло-ли бы родить вѣчный миръ?.. Что же можетъ привести насъ къ истинному счастью, блаженству, душевному миру? Христось, слово Божіе, священная Библія... (стр. 1—94). Произведеніе Сковороды—„Начальная дверь ко христіанскому добронравію. Написана въ 1767 году для молодого Шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году,“—имѣли мы въ двухъ изданіяхъ: въ „Сочин. въ стих. и прозѣ Гр. Сав. Сковороды“ (полное изданіе) и въ „Москвитянинѣ“ 1842 года, стр. 117—119 (отрывокъ). Содержаніе этого произведенія въ полномъ его видѣ слѣдующее. Своей „Начальной двери ко христіанскому добронравію“ авторъ предпосылаетъ „преддверіе“. Въ „преддверіи“ этомъ онъ разсуждаетъ: „Благодареніе

Богу о томъ, что нужно сдѣлать не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье, нѣтъ же и ничего легче сего... Царствіе Божіе внутри насъ,— счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго. Что было бы тогда, если бы счастье зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бы бѣдны... Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ и томъ же времени, какъ же помѣститься въ одномъ чинѣ и стать?.. Нынѣ же желаешь-ли быть счастливымъ? не ищи счастья за моремъ, не странствуй по планетамъ, не влачься по дворцамъ, не ползай по шару земному.... Счастье, яко необходимая надобность, туне, вездѣ и всегда даруется... Оно есть нужное. Что же есть нужное? То, что самое легкое. Что есть легкое? То, что нужно. Что есть нужное? То, что едино на потребу,— это Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ложь, тѣнь и плоть, а то, что любезно и потребно, есть едино, вездѣ и всегда, но сіе единое все горстью своею и прахъ плоти твоя содержитъ... Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя, и не тамъ счастье: для сердца твоего едино на потребу, и тамъ Богъ и счастье. Недалече оно, близъ есть, въ сердцѣ и душѣ твоей. Въ сей ковчегъ ведетъ и наша десятиглавная бесѣда, будто черезъ десять дверей, а я желаю, чтобы душа твоя, какъ Поева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, Кто почиваетъ въ сердцѣ твоёмъ... Сего желаетъ Григорій, сынъ Саввы Сковороды. (стр. 268—271).

Далѣе идетъ самое изложеніе разсматриваемаго нами произведенія. Раздѣлено оно на десять главъ. Въ первой главѣ (озаглавляется: „О Богѣ“) авторъ учитъ о Богѣ единомъ по существу—(стр. 272). Во второй главѣ (оза-

главливается: „О Вѣрѣ“) учить о вѣрѣ въ Бога, какъ прирожденномъ свойствѣ души человѣческой (стр. 273). Въ третьей главѣ излагается учение „О промыслѣ общемъ“ (стр. 273—274); въ четвертой — „О промыслѣ особенномъ для человѣка“ (стр. 274—280); въ пятой — „О десятословіи“ (стр. 280—283); въ шестой — „О истинной вѣрѣ“ (стр. 284); седьмая глава озаглавляется: „Благочестіе и церемонія—разнь“ (стр. 285); осьмая глава носитъ заглавіе: „Законъ Божій и человѣческое преданіе—разнь“ (стр. 285—286); въ девятой главѣ излагается учение „О страстехъ или грѣхахъ“ (стр. 286—287), и въ десятой — „О любви, или чистосердечіи“ (стр. 287).¹⁾

Предпославши въ краткихъ чертахъ изложеніе содержанія тѣхъ изъ произведеній Гр. Сав. Сковороды, какими мы имѣли возможность пользоваться при составленіи настоящаго нашего очерка, переходимъ къ изложенію его нравственно-философскаго ученія въ систематической послѣдовательности.

Основнымъ началомъ всякаго истиннаго человѣческаго вѣдѣнія, — учить Сковороды, — должно быть признано „самопознаніе“, являющееся, какъ результатъ знанія человекомъ себя самого, по ученію Сковороды, является также и основнымъ началомъ всякаго истиннаго философскаго вѣдѣнія, такъ какъ истинная философія, по его взгляду, есть не только истинное вѣдѣніе по преимуществу, но болѣе: она есть носительница истины въ себѣ

¹⁾ Болѣе подробной передачей содержанія каждой изъ перечисленныхъ нами десяти главъ этого произведенія Сковороды мы займемся при изложеніи „Нравственно-философскаго ученія Сковороды“ въ систематическомъ порядкѣ.

самой. Какимъ же должно быть „самопознаніе“, какъ знаніе человѣкомъ самого себя, чтобы оно могло быть прочнымъ основнымъ началомъ не только всякаго истиннаго человѣческаго вѣдѣнія, но, главнымъ образомъ, основнымъ началомъ истиннаго философскаго вѣдѣнія? Оно должно быть, учить Сковороду, полнымъ, цѣлостнымъ. Такимъ полнымъ и цѣлостнымъ самопознаніе, по ученію Сковороды, является лишь тогда, когда оно есть познаніе человѣкомъ самого себя не одностороннее, а троякое. А именно: когда оно есть, во первыхъ, познаніе человѣкомъ самого себя, какъ „самостоятельной, индивидуальной личности“, для чего необходимо познаніе человѣкомъ своей собственной природы, какъ она есть, куда она ведетъ, чего желаетъ и слѣдованіе отсюда, человѣка внушеніямъ своей собственной природы, когда оно есть, во вторыхъ, познаніе человѣкомъ себя самого, какъ „бытія народнаго“, связаннаго съ другими себѣ подобными, вѣрою, законами, обычаями, языкомъ; когда оно есть, въ третьихъ, познаніе человѣкомъ себя самого, какъ „бытія всеобщаго“, стоящаго въ тѣсной неразрывной связи со всѣмъ человѣчествомъ, созданнаго по образу и по подобию Божію, общаго и со всѣмъ бытіемъ. Приведемъ слова самого Сковороды для того, чтобы это его ученіе объ основномъ началѣ всякаго человѣческаго, а тѣмъ болѣе истиннаго философскаго вѣдѣнія, возможно было представить намъ въ болѣе ясномъ и опредѣленномъ видѣ. — „Троякое есть познаніе себя“, — говоритъ Сковорода, — „и кто не позналъ себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно, что ничего не знаетъ про себя, за себя и о себѣ, то есть, не знаетъ самого себя и своего. Первое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія самоличнаго, самоособнаго,

самосущаго, т. е. какъ челоуѣка одинокаго, зато всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго... Вспомни пословицу: „всякъ Еремѣй про себя разумѣй“. Всякъ долженъ узнать себя, именно—свою природу, чего она ищетъ, куда ведетъ и какъ ведетъ? и ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но и съ глубочайшимъ покореніемъ. Конь-ли ты? носи сѣдока. Волъ-ли? носи яремъ. Песъ-ли борзой? лови зайцы. Датскій-ли песъ? дави медвѣдя. Другое познаніе есть познаніе себя самого, какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т. е., какъ челоуѣка, сличеннаго (связаннаго) съ другими *истою* (идеєю) вѣры, закона, обычая и языка, и похожаго на другихъ людей, вкупѣ живущихъ на одной землѣ, которой имя, родина, отчизна и грѣчь общи. Вспомни пѣсню: „Ой туды ся хилить лозы, куды имъ похило, туды очи выглядяють, куды серцю мыло!“ Всякъ долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русь-ли ты? будь имъ: вѣры православію, служи Царицѣ правно, люби братію правно. Ляхъ-ли ты? Ляхъ будь. Нѣмецъ-ли ты? нѣмечествуй... Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все красно, что чисто, природно, т. е. не поддѣльно, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни тепель, ни холодень, да не изблюють тебя. Русь не Русская видится мнѣ диковинкою, какъ еслибы родился челоуѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ, или съ собачьей головой... Третье познаніе есть познаніе себя, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всѣмъ челоуѣчествомъ и со всякимъ бытіемъ... По первому познанію, — заключаетъ Сковорода, — ты узнаешь свое *собство* (недѣлимое, индивидуумъ): почему ты Еремѣй? и какой ты Еремѣй? По второму ты узнаешь свою *стать* (званіе, сословіе): почему ты Русь, и какова Русь? По третьему

познанію ты узнаешь свою общность (тожество): почему ты человекъ? и что есть человечество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично (по сравненію, сличительно), и не слитно и слитно... О Боже, коль смѣхотворна премудрость человека, не познаваго и не сличившаго себя!.. Ученіе о познаніи себя, — говоритъ далѣе Сковорода, — было и раньше: апостолами самопознанія можно назвать „Великаго незнакомца“ (Утиса), написавшаго на Дельфійскомъ храмѣ мудрое изреченіе, — „познай себя“, — Солона и Сократа. Но... Дельфійская надпись относилась къ познанію себя, какъ особи (individuum); Солонъ училъ познанію себя, какъ гражданина (in atatu, т. е., по званію, по сословію, по положенію), Сократъ имѣлъ въ виду познаніе себя, какъ человека вообще (in genere). Что же есть человекъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ людей, погружающійся въ думу только о себѣ одномъ? Круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный. Что есть гражданинъ въ народѣ, отчуждающій себя отъ другихъ народовъ, закатывающійся только въ свою наличность? Тоже, что и народъ его, т. е., бытіе раждающееся, существующее и раждающее только въ пространствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣсто, а не вѣка, существо, подлежащее географіи, а не исторіи. Кто же тотъ, кто отожяетъ себя въ познаніи только съ цѣлымъ человечествомъ? Собака въ Езоповой баснѣ, нарочно упустившая кусокъ наличнаго мяса и канувшая въ рѣку, чтобы уловить тѣнь онаго... Только Спаситель, заключаетъ Сковорода, первый училъ полному, т. е. тройному познанію себя, какъ познанію одному, и это Его ученіе есть истинное, Божественное.¹⁾

¹⁾ Это ученіе Сковороды о самопознаніи, взятое буквально изъ неизданныхъ его сочиненій — „Наркизь узнай

Мы нарочно довольно долго останавливались на учении Сквороды о самопознании, или тройкомъ познании человекомъ самого себя, какъ основномъ началѣ всякаго истиннаго человѣческаго, а тѣмъ болѣе, философскаго вѣдѣнія, такъ какъ это его учение о самопознании составляетъ основу всего его нравственно-философскаго учения, и только изъ одного этого начала, какъ руководствующей идеи, можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснено и понимаемо его нравственно-философское міросозерцаніе. Разсмотримъ же теперь, какъ излагаетъ свое нравственно-философское учение Скворода, обосновывая его на познании человекомъ самого себя, какъ главнымъ, основнымъ началѣ всякаго истиннаго человѣческаго и еще въ большей степени философскаго вѣдѣнія.— Во всѣхъ произведеніяхъ Сквороды съ философскимъ характеромъ ясно проглядываетъ та мысль, что чужія мысли не составляютъ для человека истиннаго знанія, что всякій долженъ почерпать это знаніе изъ глубины собственнаго сердца и приобрѣтать собственными своими силами и что, по этому, изученіе природы человѣческой составляетъ основу философіи. Правда, Скворода не выражаетъ этимъ той мысли, что будто-бы философія имѣетъ своимъ предметомъ только человека, нѣтъ, онъ утверждаетъ, напротивъ, что философія стремится и должна стремиться познать всеобщую систему вещей, но что она должна начинать дѣлать это на твердомъ основаніи, именно—на основаніи познанія природы и

себя“, „Бесѣда 2-я Сіонъ“ и „Симфонія: аще не увѣси самую тебе“, — мы взяли изъ жур. „Телескопъ“, изд. Надеждинымъ, 1835 г., ч. XXVI, стр. 159—163. (Статья А. Хиджеу). Приведенный нами отрывокъ буквально списанъ изъ „Телескопа“ также и арх. Гавриломъ въ его „Ист. философ.“ т. VI, стр. 65—67, Казань, 1840 г.

изъ природы человѣческой. Отсюда Сковорода разсуждаетъ такъ.— „Какъ познаніе себя,—говоритъ онъ,—есть высочайшее просвѣщеніе, такъ, напротивъ того, незнаніе самого себя есть крайнее невѣжество и не счастье. Ибо незнаніе себя есть лютейшій врагъ во внутренности нощащаго его. Горе тебѣ, человѣче! иже не радиши о ввѣренномъ тебѣ талантѣ и не печешися объ изкопаніи сокровища въ тебѣ, яко сосудѣ скудельнѣ, сокрытаго! Ты не видишь, что въ тебѣ Богъ, Егоже міръ не видитъ, ниже пріяти можетъ, къ намъ же Онъ ближе, нежели мы сами къ себѣ. Ибо Духъ Божій обитаетъ въ сердцахъ нашихъ (къ Коринѣ. посл. 2, гл. 4, ст. 7; Иоанна гл. 14, ст. 17; 1 Коринѣ. 3, 16. и 6, 19). Посему, нѣтъ ничего лучше сего Божественнаго изреченія: *знай себя!* потому что нѣтъ лучшаго пути къ мудрости и, слѣдовательно, къ блаженству, какъ познаніе самого себя. А что сіе истинно, легко видѣть изъ того, что человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ вещи и силы, да сверхъ того и образъ своего Творца. Посему, всѣхъ вещей, силъ и самого Творца познаніе должно начинать отъ самаго себя такъ, чтобы человѣкъ, созерцая самого себя, въ себѣ же самомъ, яко въ нѣкоемъ зеркалѣ, видѣлъ все духовное и вещественное; а кто самъ себя не знаетъ, тотъ ни о чемъ не можетъ имѣть истиннаго и существеннаго познанія, но, по подобію скотовъ, все его познаніе пребудетъ тщетнымъ; ибо никакое познаніе не останется въ душѣ, кромѣ того, которое во внутренности нашего духа существеннымъ познаніемъ получено; внутреннее же и существенное познаніе не приходитъ ни отъ плоти, ни отъ крови, ни отъ долговременнаго чтенія книгъ, ни отъ множества опытовъ и отъ долготы дней, но отъ дѣйствія Божія на сердце человѣка и не учевіемъ, но наитіемъ св. Духа, человѣческой разумъ приходитъ къ

истинному просвѣщенію.¹⁾ Ко всему же сему путь есть познаніе и исправленіе своего сердца, чрезъ которое доходимъ къ познанію своего существа. Ибо мы сотворены изъ всего и все въ себѣ носимъ.—Мы сотворены по образу Божію, отъ Бога. Но какъ паденіемъ нашимъ въ праотцѣ Адамѣ помрачился въ насъ Божескій образъ; то, по очищеніи себя отъ грѣховъ, оный паки возсіяваетъ. Мы родимся съ познаніемъ всего, и внутри духа нашего сокрыто все: надобно только возбудить его отъ сна, въ которомъ мы чрезъ преступленіе такъ уснули, что ни видимъ, ни ощущаемъ, ниже вѣримъ, чтобы такія блага въ насъ были сокрыты, каковыя мы дѣйствительно имѣемъ. Ибо человѣческій духъ, еще до соединенія съ тѣломъ, преисполненъ всякихъ познаній, но, будучи угнетенъ плотію, тлѣетъ, какъ огонь подъ пепломъ, пока наконецъ будетъ въ состояніи совсѣмъ совершенно открыться. Да и по справедливости, если бы сокровище небесныя и земныя мудрости не было уже въ насъ сокрыто, то, конечно, не вельбъ бы Христосъ искать намъ въ себѣ онаго, и мы не могли бы обрѣсти того, чего не дано... По существу своему человѣкъ есть связь міровъ, послѣднее и удивительное твореніе Божіе; онъ сотворенъ прежде всего изъ персти, или, такъ сказать,

¹⁾ Эта мысль Сквороды буквально взята изъ ученія философа—мистика и медика Парацельса (род. 1493 г.), который говоритъ: „высшее познаніе происходитъ не изъ плоти и крови, не изъ чтенія и даже не изъ разума, но отъ дѣйствія въ насъ Божія, отъ впечатлѣнія, которое производитъ безконечное существо въ конечномъ или ограниченномъ“ („Фил. лексик.“ Гогоцваго, т. IV, вып. 1-й, Кіевъ, 1872 г., стр. 28, подъ именемъ). Далѣе мы покажемъ, что вообще философское ученіе Сквороды находится подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ ученій Парацельса, Агриппы. (р. 1487 г.) и др.

извлеченъ и созданъ изъ самой тончайшей сущности неба и земли. И по сему святой Назіанзинъ о сотвореніи челоуѣка говоритъ: „челоуѣка сотворилъ Богъ послѣ всего, дабы въ немъ, яко въ нѣкоемъ зеркалѣ, изобразить все сокращенно, что шестью днями создалъ въ пространномъ видѣ, то есть, свойства и силы великаго міра“ (см. Григор. Назіанз. сл. 38 и 42). Ибо, какъ всякая рѣчь составляется изъ буквъ и слоговъ, такъ и микрокосмъ, или малый міръ,—персть земли извлечена была изъ всего сотвореннаго. Премудрый Зиждитель взялъ, такъ сказать, изъ всѣхъ тварей самую сущность, и, изъ оной создавши челоуѣка, вся покори подъ нозѣ его. Почему всѣ твари и имѣютъ къ нему отношеніе, яко къ своему царю, и не только видимый міръ, но и всѣ внѣшнія сферы на него, яко средоточіе свое, изливаютъ свои блага, и онъ есть средоточіе и кругъ, велику содержитъ въ себѣ всѣ твари и всѣ изліянія съ собою возвращаетъ къ Источнику вѣчности, отъ котораго они вначалѣ проистекли. Богъ открылъ себя въ твореніи, а въ челоуѣкѣ не только себя, но и все твореніе изобразилъ. Какъ твореніе или великій міръ есть двойственный, видимый и невидимый, такъ и малый міръ, или челоуѣкъ, есть двойственный же: видимый по тѣлу, а невидимый по духу. Но духъ въ немъ также двойственный: одинъ отъ тверди, то есть, звѣздный духъ или душа, каковою одушевлены всѣ животныя; а другой вдуновенный отъ Бога, или разумный. Итакъ, челоуѣкъ имѣетъ три части: смертное тѣло, душу и вѣчный духъ, который есть образъ Божій и храмъ Духа Святаго... челоуѣкъ заключаетъ въ себѣ все, и все съ собою носить. Онъ произведенъ изъ міра и оный въ себѣ носить. Ибо какъ первое вещество, неустроенная сущность, хаосъ, былъ сѣменемъ великому

міру, такъ великій міръ былъ сѣменемъ Адаму. Понеже, какъ міръ былъ сокровенъ въ водахъ, яже надъ бездною, такъ и Адамъ, можно сказать, лежалъ сокрытъ въ мірѣ. Изъ перваго вещества сотворенъ міръ, а изъ міра—человѣкъ. Подобно, какъ древо растеть изъ сѣмени, и сѣмя есть начало и конецъ онаго; ибо въ каждомъ сѣмени лежитъ сокровенно другое древо, такъ и первое вещество, называемое отъ Парацельса „Лимбомъ изъ земли Слова Господня“ (limbus у Парацельса тоже, что эссенція или, какъ онъ называетъ,—archaeum), было сѣменемъ всего сотвореннаго. Человѣкъ же былъ послѣднимъ, совершеннѣйшимъ твореніемъ и вмѣстилищемъ всея вселенныя... Человѣкъ состоитъ изъ плоти и крови, души и духа. Но какъ онъ состоитъ изъ двоякаго и совсѣмъ несходнаго вещества, то его изъ двоякаго и свѣта надобно разсматривать, или по двумъ его отцамъ, такъ сказать. Первый его отецъ, по духу, есть Богъ, а другой, по тѣлу, есть великій міръ, или персть земли, таинство и сущность всѣхъ вещей драгоцѣннѣйшая. Въ человѣкѣ нѣтъ ни одного члена, который бы не соответствовалъ чему либо въ природѣ вещей. Видимое тѣло, или домъ, имѣеть онъ отъ стихій, а невидимое тѣло, или одѣяніе души, посредствомъ котораго соединяется она съ грубымъ своимъ тѣломъ, имѣеть онъ также отъ тверди небесныя. Подобно какъ солнце проходитъ своимъ свѣтомъ сквозь стекло, такъ планеты вливають всѣ свои силы въ человѣка и, такимъ образомъ, по звѣздному духу, мы можемъ научиться всему естественному. Разумную свою душу, или духъ, имѣеть человѣкъ отъ Бога, и ею съ небеснымъ своимъ отцемъ соединенъ. Понеже Богъ живетъ въ насъ своимъ Духомъ (I Иоан. 2, 27), отъ котораго можемъ научиться священной Богословіи и всѣмъ небеснымъ и земнымъ таинствамъ не-

ложно... Итакъ, въ человѣкѣ нужно непремѣнно выразумѣть: *первое*, что человѣкъ созданъ изъ персти земныя словомъ, — да будетъ! *второе* — что человѣку вдунуто было изъ устъ Всевышняго дыханіе жизни. Персть же оная есть двоякая: видимая и невидимая. Видимая — есть тѣло человѣка, а невидимая — жизнь звѣздная, или душа, которая дѣйствуетъ въ тѣлѣ день и ночь, такъ какъ въ ней живетъ и дѣйствуетъ Духъ Господень, Слово Божіе. Такимъ-то образомъ человѣкъ есть образъ вѣчнаго Бога и великаго міра и, слѣдовательно, въ немъ находятся всѣ міры, которыхъ считаютъ истинные любомудры три; самъ же человѣкъ названъ отъ нихъ четвертымъ и вмѣстилищемъ всего того, что находится въ прочихъ трехъ. Человѣкъ, будучи истиннымъ мудрецемъ, не уступаетъ ангеламъ, яко обладатель, можно сказать, всѣхъ вещей. Имѣя же брэнное свое тѣло отъ стихійнаго міра, какъ бы составляетъ стихійный міръ. А посему и имѣеть онъ сообщеніе со всѣми тремя мірами, т. е., Божескимъ, ангельскимъ и стихійнымъ, самъ собою составляя четвертый міръ совокупно. Итакъ, посему человѣкъ, будучи соединенъ тройственнымъ узломъ Вѣры, Любви и Надежды съ предвѣчнымъ началомъ своимъ, можетъ всякія чудеса творить, какъ о томъ самъ Христось говорилъ: „Вѣруй въ Мя, дѣла яже Азь творю, и той сотворишь“, ибо вѣрою соединяемся съ Богомъ. Также человѣкъ можетъ имѣть сообщеніе съ Ангелами, по своему невидимому, совершенно съ ихъ сходному, существу. По звѣзднымъ вліаніямъ на его существо сіе, онъ предузнаеть будущее, прелетаетъ изъ края въ край вселенныя, и обозрѣваетъ въ сонныхъ или изступленныхъ видѣніяхъ настоящія, удаленныя величайшимъ разстояніемъ отъ него, дѣянія; предчувствуетъ радостныя или печальныя для себя событія, и такъ сое-

диняется съ Ангелами. Со стихійнымъ же міромъ человѣкъ имѣеть сообщеніе по своему смертному тѣлу, и хотя мрачныя стихійныя силы производятъ въ немъ непрестанную брань съ духомъ; но онъ, управляя свой разумъ, по закону Божію, можетъ оныя, какъ бы цѣпю, обуздывать. Съ животными же, растеніями и минералами человѣкъ имѣеть сообщеніе, потому что всѣхъ ихъ природу и свойства въ тѣлѣ своемъ заключаетъ. И симъ-то связуется, или сообщается человѣкъ стихійному или вещественному міру. Итакъ, не есть-ли человѣкъ пресовѣршенное чудо природы, удивительное извлеченіе и ядро четырехъ стихій, премудрое строеніе и совершеннѣйшій образецъ міра! Онъ одинъ столь великъ, что имѣеть сношеніе со всѣми сферами міровъ, и, что еще больше, можетъ средствами „Возрожденія“ паки достигнуть соединенія съ Богомъ, предвѣчнымъ Началомъ своимъ, отъ котораго онъ отторгся по собственной своей волѣ. ¹⁾ Итакъ, когда мы

¹⁾ Все изложенное нами доселѣ философское ученіе Сковороды не представляетъ собою чего-либо самостоятельнаго, а есть ни болѣе ни менѣе, какъ подражаніе ученію средневѣковыхъ натурфилософовъ или мистиковъ (какъ ихъ называютъ) Агриппы (1478—1535), Парацельса (1493—1571), Геронима Кардана Навійскаго, Флуда, Вангельмонта и др. Не мало здѣсь есть заимствованій и изъ „Точнаго изложенія Православныя вѣры“ св. Іоанна Дамаскина. Для сравненія изложимъ вкратцѣ ученіе Парацельса и Агриппы, какъ выразителей натурфилософскаго средневѣковаго мистицизма, и покажемъ, что взято Сковородою въ изложенномъ нами его ученіи изъ твореній св. Іоанна Дамаскина.—Парацельсъ всю совокупность бытія раздѣляетъ на макрокосмъ (большой міръ) и микрокосмъ (малый міръ). Подъ первымъ онъ разумѣніемъ міръ вообще, подъ вторымъ—человѣка. Между обоими мірами есть взаимное сходство и взаимодействіе посредствомъ сокровенныхъ и общихъ имъ силъ. Но выше міра пребываетъ

себя въ обоёмъ свѣтѣ, то есть, по духу и веществу узнали, то, за помощію Божію, вошли въ отверзтую намъ дверь, отверзли толкущему при дверяхъ нашего сердца Богу, по слову: се стою при дверехъ и толку, и аще кто отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со мною. Начавъ же вести свою жизнь по волѣ Божіей, имѣемъ все нужное къ сей и вѣчной жизни и премудрости. Изъ сего познанія самаго себя происходитъ непосредственно и познаніе Бога; ибо человѣкъ есть образъ Божій. Почему, кто не знаетъ себя, тотъ не знаетъ Бога; незнаніе же Бога есть источникъ зла; на-противъ того, познавать и любить Начало всѣхъ вещей — Бога, есть величайшая добродѣтель, мудрость и благо, какъ то Самъ Спаситель говоритъ: се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, Единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа (Іоан. 17, 3), то есть, да знаменуется Пресвятая Троица въ сердцѣ вѣрующаго! И сіе то познаніе даруетъ человѣку жизнь вѣчную, но

высшій источникъ ихъ единства въ Богѣ, хотя и чело-вѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, также служить центромъ окружающихъ его твореній, которыя вліяютъ на него и на которыя онъ въ свою очередь вліяетъ и производитъ извѣстныя дѣйствія. Человѣкъ, созданный по образу Божію, носитъ въ себѣ большой міръ въ уменьшенномъ видѣ, а потому содержитъ въ себѣ также небо и землю, свои звѣзды и свои соотвѣтствующія физическія силы. Небомъ служитъ въ человѣкѣ его мозгъ, какъ сѣдалище его мыслей, желаній и чувствованій. Посредствомъ своего неба, онъ находится въ связи со звѣздами вселенной, вліяніе которыхъ простирается на его мысли и волю. Все ученіе Парадельса о небѣ и звѣздахъ можно выразить въ слѣдующихъ словахъ его: „все, что существуетъ, живетъ и растетъ въ природѣ, носитъ на себѣ извѣстную печать и обладаетъ звѣзднымъ духомъ, я называю его небомъ, астрою, сокровеннымъ дѣятелемъ, способствующимъ тому, или про-

достигать онаго иначе можемъ, какъ исполненіемъ христіанскаго закона. Ибо таковыя усыновляются Богу; усыновленные же познають Его и дѣлаются храмомъ Его, къ своему блаженству и жизни вѣчной. Итакъ Христосъ есть единственный путь во всему; и какъ чрезъ познаніе видимаго міра достигаемъ до познанія невидимаго Строителя онаго, такъ изъ видимаго Христа, или Его ученія и жизни научаемся познавать Его Отца, а какъ никтоже пріидеть къ Сыну, токмо слушая и наученъ Отцемъ, то и истиннаго познанія никто не достигнетъ, кромѣ наученнаго Богомъ. Посему-то языческія писанія о природѣ по большей части ложны; слѣдовательно, тщетно было бы искать живыя истины у тѣхъ, которые сами ее не имѣли и почти имѣть не могли, — не у бо бѣ Духъ Святой съ ними (Іоан. 7, 39)! Истинная же мудрость проистекаетъ отъ Бога и обращается къ Нему, который, яко солнце, сіяя въ св. Писаніи, оживляетъ сіе благословенное сѣмя, посѣянное въ сердцахъ нашихъ и

изводящимъ то, въ чемъ заключается его фигура и цвѣтъ, что составляетъ его формацію. Здѣсь, въ этой астрѣ, заключается зародышъ и ростокъ и сила всякой вещи“. Вещество, по Парацельсу, есть вообще составъ, слагающійся изъ четырехъ стихій; но человекъ, какъ микрокосмъ, соединяетъ ихъ въ себѣ особеннымъ образомъ. Этимъ составомъ своего тѣла онъ находится въ общемъ симпатическомъ состояніи съ цѣлою природою. А именно, каждая стихія производитъ существа, по преимуществу надѣленные свойствами котораго — нибудь изъ этихъ элементовъ, хотя въ нихъ участвуетъ примѣсь и другихъ стихій; такъ, человекъ обязанъ своею мыслящею силою огню. По системѣ Парацельса, человекъ помѣщается между двумя началами — вѣчнымъ и временнымъ или смертнымъ, между Богомъ и вселенною и проникается духомъ Божіимъ и духомъ міра. Кромѣ этого внутренняго двойства, Парацельсъ находитъ въ свойствѣ человека еще тройственность, какъ-то: духъ или разумъ, душу, гдѣ

возрожденіемъ, возстановляя его изъ тлѣнія, приводитъ въ совершенство. Словомъ, къ совершенству всѣхъ познаний необходимо взыскивается возрожденіе, и истинная философія должна основана быть на краеугольномъ камнѣ, иже есть Христосъ. Почему мы всегда не справедливо дѣлаемъ, предпочитая иногда языческія мнѣнія христіанскому ученію; ибо одни христіане, имѣя въ себѣ Божественное сѣмя мудрости чрезъ возрожденіе, котораго язычники не имѣли, могутъ истинно мудрствовать, будучи въ состояніи, по наитію св. Духа, учиться у самого Бога. Кратко сказать, въ познаніи Бога, яко сокровищницѣ всего міра, лежитъ все такъ, что безъ сего никто не увидитъ въ жизнь вѣчную. Ибо за познаніемъ Бога слѣдуетъ вѣра, надежда и любовь; за любовью прилѣпленіе, за прилѣпленіемъ слѣдуетъ соединеніе, а въ соединеніи состоитъ все блаженство и мудрость. Сіе возрожденіе, сокрывъ въ своей груди всѣхъ временъ чистые сердцемъ, жившіе до воплощенія Сына Божія, узнали гораздо лучше, чѣмъ

пребываетъ чувственность, и тѣло, или тѣлесную оболочку. Но весь внутренній составъ человѣка Парацельсъ возводитъ къ Богу и полагаетъ, что все въ человѣкѣ имѣетъ Божественный характеръ и Божественное начало. Къ душѣ, какъ среднему звену въ составѣ человѣческаго существа, онъ относитъ начало предчувствія и предсказаній, возможность которыхъ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: воздухъ есть зеркало, принимающее образы вещей, проникая чрезъ скважины въ тѣла человѣческія и животныхъ; онъ можетъ производить сны и пророчества безъ содѣйствія духовъ; чрезъ него одинъ человѣкъ можетъ сообщить свои идеи другому непосредственно, не взирая на разстоянія мѣста и времени, находяціяся между ними. Высшее познаніе человѣка Парацельсъ производитъ отъ дѣйствія въ насъ Духа Божія. Это видно уже изъ того, что онъ приписываетъ духу бытіе, предшествующее матеріи; потому что всѣ зародыши и стихіи и все, что составляетъ производительное начало

теперь премногіе, такъ называющіеся христіане, которые, не любя и не слѣдуя Богу, хотятъ Его знать. Кто основательно позналъ самого себя, тотъ позналъ въ себѣ все. Таковой, будучи между временемъ и вѣчностію, созерцаетъ подь собою вѣчнаго Бога, пылая къ нему неизреченною любовію; около себя видитъ своихъ сверстниковъ ангеловъ, отъ которыхъ онъ рознится только тѣломъ и будущимъ судомъ; подь собою видитъ великій міръ, инако вещественный, со всѣми тварями онаго, которыхъ сокращеніе есть его тѣло. Такимъ образомъ, человѣкъ, будучи поставленъ посреди духовнаго и вещественнаго міра, можетъ, за содѣйствіемъ благодати Божіей, или возвыситься и преобразиться въ ангела, или, по естественному своему призванію, опускаясь внизъ, содѣлаться скотомъ и сдѣлаться несчастнымъ... Такъ, ежели человѣкъ живетъ по своей волѣ, или по плоти и крови, то онъ есть скотъ, и фізіогномы весьма справедливо сравниваютъ такихъ людей, по различнымъ ихъ свойствамъ,

въ вещахъ, онъ признаетъ силами не матеріальными и подчиняетъ ихъ духу. Это внутреннее начало, которое, при посредствѣ другихъ началъ, образуетъ тѣла, переживаетъ ихъ и, по разрушеніи однихъ, образуетъ другія. Изъ многихъ мѣстъ ученія Парацельса видно, что онъ хочетъ приблизиться къ христіанскому ученію. Такъ, напр., онъ говоритъ: „человѣкъ обладалъ благами естественными — и сверхъестественными; но его божественный характеръ помрачился грѣхомъ. Очиститесь отъ грѣха, и вы возстановите его, по мѣрѣ своего очищенія. Понятіе всѣхъ вещей намъ сродно; оно въ глубинѣ души; стоитъ только очистить душу отъ грѣха, и понятія наши такъ же очистятся. Познаемъ нашу природу и нашъ духъ и откроемъ входъ въ нашу душу Богу, толкующему у дверей нашего сердца. Только тотъ можетъ возвыситься къ познанію вселенной, кого озаритъ самъ Богъ. Философія древнихъ лжива; ихъ ученіе о Богѣ суетно. Св. Писаніе есть основаніе истинной философіи. Возрожд-

съ различными животными... Не земля ли раждает и звѣри и гады и скоты и мухи? Такъ то и сердце земное преобразаетъ насъ въ разные нечистые звѣри, скоты и птицы. Ибо сердце есть корень и существо человѣка, и всякъ есть тѣмъ, чье есть въ немъ сердце. Такъ, не мыслить горная, а развѣ только о—брашнѣ и чревѣ, грязь міра и плоти любить, есть то быть ведремъ, гоняться за нею, есть то быть псомъ, вкушать ее, есть то быть змиемъ. Сердце златожадное, любящее мудрствовать объ однихъ только кошелькахъ; есть суцій велблюдъ, любяцій пить мутную воду и за выюками не могущій пролѣзть сквозь тѣсную дверь вѣчности. Сердце, востекающее съ Давидомъ въ горная, жаждущее оныя воды, утолившія Самарянкѣ жажду, — не олень-ли есть? Сердце, трудолюбствующее съ Воозомъ на гумнѣ библейскомъ, — не вошь-ли есть млатающій? Сердце, воцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами и надъ волею своею, растерзающее всяку власть и славу, возстающую на Бога, дерзающее въ

деніе человѣка необходимо для совершенства науки; но только христіанинъ можетъ быть возрожденнымъ“ ... („Философс. лек.“ Гогоцкаго, т. IV, вып. 1, Кіевъ, 1872 г., стр. 25—29. „Истор. фил.“, арх. Гавріила, часть III, Казань 1839 г., стр. 71—77). — Выписываемъ изъ „Точнаго изложенія Правосл. вѣры“ св. Іоанна Дамаскина то, что имѣетъ сходство съ изложеннымъ нами ученіемъ Сквороды. „Богъ сотворилъ природу, умомъ созерцаемую, то есть ангеловъ... Еще Богъ сотворилъ и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними... Но надлежало явиться существу, смѣшенному изъ сихъ двухъ природъ и изъ видимаго и невидимаго естества. Богъ своими руками сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію... Сотворилъ духомъ и вмѣстѣ плотию, сотворилъ животнымъ и переселяемымъ въ будущую вѣчную жизнь... Должно знать, что человѣкъ имѣетъ нѣчто общее и съ неодушевленными существами, и участвуетъ въ жизни безсловесныхъ, и раздѣляетъ силу мышленія

нищеть, въ гоненіяхъ, въ болѣзняхъ, въ смерти, не сей ли есть скимень львовъ? Сердце, выпры сверкающее, какъ молнія, постигающее и низвергающее всякія пернатія мечты и замысловатія стихійныя думы, — не соколъ ли есть? Сердце, парящее въ пространство высоты небесныя, любящее свѣтъ и вперяющее зѣницу очей во блескъ полуденныхъ лучей, — не благородный ли есть орель?.. Да и въ св. Писаніи люди стоятъ иногда подъ именами волка и лиса, а иногда свиньи и порожденія ехиднина (Луки 13, 32; Мѡ. 7, 16; 23, 33). Ежели же челоувѣкъ живетъ по разуму или по духу, тогда онъ есть истинный челоувѣкъ и обладаетъ скотами или скотскими свойствами въ своемъ тѣлѣ. А если челоувѣкъ, узнавъ въ себѣ свойство образа Божія, живетъ по уму, сердцу, иначе по Духу Божію, по древу жизни и сокровищу нетлѣнному, хранящемуся въ немъ, яко сосудъ скудельнѣ, то онъ повелѣваетъ звѣздамъ и всѣмъ тварямъ. — Итакъ, не есть ли для челоувѣка единственная

съ разумными. Имѣеть общую часть съ неодушевленными по своему тѣлу и поколику составленъ изъ четырехъ стихій; съ растеніями по тѣмъ же самимъ отношеніямъ, и сверхъ того, по силѣ питаться, расти, давать сѣмена и раждать; съ безсловесными по исчисленному выше, и кромѣ того, по способности пожеланія, то есть, по силѣ раздражительной и вождѣвательной, также по способности чувствованія и по произвольному движенію. Съ существами же безтѣлесными, одаренными умомъ, челоувѣкъ соединяется посредствомъ разума... Посему-то челоувѣкъ и есть самый малый міръ. Должно знать, что разумная часть господствуетъ надъ неразумною, такъ какъ силы души раздѣляются на разумную и неразумную; неразумная имѣеть двѣ части: жизненную силу и ту часть, которая раздѣляется на силу раздражительную и вождѣвательную... Должно знать, что понятія объ умственныхъ предметахъ получаютъ или изъ наученія, или изъ врожденныхъ идей... По мнѣнію язычниковъ, всѣмъ, что до

только наука челоѣкъ!“²⁾ И истинно сіе безъ всякаго прекословія! Ибо всѣхъ наукъ сѣмена внутрь челоѣка сокрываются. Тутъ ихъ источникъ утаенъ, и кто видитъ его? Сей есть родникъ неисчерпаемый всему блаженству нашему; ибо и вѣчна, всегда и по всему одна и одинока, разлившаяся по всему и все въ себѣ содержащая Вина. Сія высочайшая Вина именуется Богъ, — свойственнаго ей имени нѣтъ. Богъ, какъ существо невидимое, всю тварь проникаетъ и содержитъ, вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Какъ, напр., тѣло челоѣческое видно, но проникающей и содержащей оное умъ не виденъ. По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный. Ему же у нихъ были различныя имена, какъ то: бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Умъ, Истина. Богъ есть единъ по существу, но троиченъ въ лицахъ, какъ и челоѣкъ есть единъ въ лицѣ, а троиченъ по существу, т. е. по земному естеству, по душѣ и по духу, такъ что челоѣкъ есть троичственный престоль Тройческому Богу, какъ сіе свидѣтельствуеть св. Писаніе (Сол. 5, 23; 1 Коринѣ. 2, 14). Но и теперь малая только часть людей истинно разумѣетъ Бога, а по сему и не удивительно, что у древнихъ часто по ошибкѣ почитали вещество за Бога, и за насъ касается, управляютъ восхождение, захождение и соединеніе звѣздъ, также солнца и луны, чѣмъ и занимается астрологія. (Смотри: „Точное изложеніе Православныя вѣры“ св. Іоанна Дамаскина, гл. XII, стр. 89, 91, 93, 94, 95; гл. XX, стр. 104; гл. VII, стр. 70. Изд. Моск. дух. академіи. Москва 1844 года).

²⁾ Библиотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя. Изд. Антоновскаго. Слб. 1798 г., глава VII: „Слово о познаніи себя самого въ существѣ“, стр. 193—225.

тѣмъ все свое Богопочитаніе отдавали въ посмѣяніе. Однако въ томъ всё вѣки и народы согласно вѣрили, что есть нѣкая тайная, всёмъ владѣющая сила. По сей причинѣ для чести и памяти Божіей по всему шару земному общенародно были всегда посвящены храмы, да и теперь вездѣ все то же. Сіе-то блаженнѣйшее существо, или Божественный Духъ, весь міръ, какъ будто искусство машиниста часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержать и по примѣру попечительнаго отца, Самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, защищаетъ и по Своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ или уставомъ зовется, опять въ грубую матерію или грязь всякое созданіе обращаетъ,—и мы то зовемъ смертію. По сей причинѣ разумная древность сравнивала Его съ математикомъ или геометромъ, потому что непрестанно въ пропорціяхъ, или размѣрахъ упражняется, выдѣливая по разнымъ фигурамъ, напр., травы, дерева, звѣрей и все прочее. Итакъ Богъ все содержитъ: Онъ есть глава и все во всемъ; Онъ есть истинное и главное основаніе и въ ничтожномъ прахѣ нашемъ. Не думаешь ли сыскать что ни есть такое, въ чемъ бы Богъ не правительствовалъ за главу и вмѣсто начала? Но можетъ ли что бытіе свое, кромѣ Него, имѣть? Не Онъ ли бытіемъ всему? Онъ—все во всемъ, потому что истина есть Господня, Господь же и Духъ и Богъ—все одно. Онъ единъ дивное во всемъ и все во всемъ дѣлаетъ Самъ Собою, и истина Его во всемъ во вѣки пребываетъ, прочая же вся—крайняя наружность—не иначе что, токмо тѣнь Его, и пята Его, и подножіе Его, и обветшающая риза.... По слову Божію, по совѣту и мыслямъ Его, по плану Его, создана вселенная и зовется то промысломъ Божіимъ и премудро имъ сохраняется. Сей промыселъ Божій есть общій потому, что касается

до благосостоянія всѣхъ тварей. Но разумѣй, что есть промыслъ Божій и особенный для человѣка. Богъ, сей чистѣйшій, всемірный, всѣхъ вѣковъ и народовъ всеобщій Умъ, излилъ намъ, какъ неизсякаемый источникъ, всѣ мудрости и художества, къ провозженію житія нужныя. Но ничѣмъ Ему такъ не одолженъ всякій народъ, какъ тѣмъ, что Онъ далъ намъ самую высочайшую Свою Премудрость, которая природный есть Его отблескъ, сіяніе и печать. Она столько превосходитъ прочіе разумныя духи, сколько наслѣдникъ лучше служителей. Она какъ бы похожа на искуснѣйшую архитектурную симметрію, или модель, которая, по всему матеріалу нечувствительно простираясь, дѣлаетъ весь составъ крѣпкимъ и спокойнымъ, всѣ прочіе приборы содержащимъ. Такъ и Премудрость сія: по всѣмъ членамъ политическаго корпуса, изъ людей не изъ камней состоящаго, тайно разлившись, дѣлаетъ его твердымъ, мирнымъ и благополучнымъ. Если, напр., какая фамилія или городъ, или государство по сей модели основано и учреждено, въ то время оно бываетъ раемъ, небомъ, домомъ Божиимъ. А если одинъ какой человѣкъ созиждетъ по ней житіе свое, въ то время бываетъ въ немъ страхъ Божій, святыня, благочестіе. Икакъ въ тѣлѣ человѣческомъ одинъ умъ, однако разно, въ разсужденіи разныхъ частей, дѣйствуетъ, такъ и въ помянутыхъ сожительствахъ, сею Премудростью связанныхъ, Богъ, чрезъ различные члены, различныя въ пользу общую производитъ дѣйства. Премудрость эта во всѣхъ нашихъ всякаго рода дѣлахъ и рѣчахъ—душа, польза и краса, безъ нея все мертво и гнушно... Родимся всѣ мы безъ нея, однако—для нея. Кто къ ней природнѣе и охотнѣе, тотъ благороднѣе и острѣе, а чѣмъ большее кто съ нею имѣетъ участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но непонятное внутри чувствуетъ блажен-

ство, или удовольствіе. Она-то есть прекраснѣйшій образъ Божій. Напечатлѣваясь на душѣ нашей, Богъ дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ чудовищъ человѣками, то есть, не звѣрскими, а къ содружеству и помянутымъ сожительствамъ годными, незлобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми. А если уже она вселилась въ сердечныя человѣческія склонности, въ то время точно есть тоже самое, что въ движеніи часовой машины *темно*, т. е. правильность и вѣрность. И тогда то бываетъ въ душѣ непорочность и чистосердечіе и вкусъ, плѣняющій къ дружелюбію. Премудрость сія различаетъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостію, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ и не иное что есть, какъ блаженнѣйшій образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Въ то время сердце наше дѣлается чистымъ источникомъ благодѣяній, несказанно душу веселящихъ, и тогда-то мы бываемъ истинными по душѣ и по тѣлу человѣками, подобными годнымъ для строенія четверугольнымъ камнямъ, изъ каковыхъ живый Божій домъ составляется, въ которомъ Онъ особливо царствуетъ милостію. Трудно неоцѣненное сіе сокровище проникнуть и примѣтить, а для одного сего любить и искать Премудрости не легко. На сколько она снаружи не казиста, столько внутри важна и великолѣпна; похожа на маленькое, напр., смоковное зерно, въ которомъ цѣлое дерево съ плодами и листомъ закрылось, или на маленькій простой камушекъ, въ которомъ необыкновенный блескъ затаился. Для видимости Премудрость сію всегда намѣчали признаками. Ея-то былъ, напр., образъ змій, повѣшенный на древѣ предъ Евреями. Ея образъ голубъ съ масличною во устахъ вѣткою. Являлась она во образѣ льва и ягненка, и царскій жезлъ былъ ея же предметомъ. Таилась она и подъ свя-

щенными у Евреевъ обрядами: подъ яденіемъ Пасхи, подъ обрѣзаніемъ и проч. Закрывалась она подъ различными прообразованіями и подъ гражданскими исторіями: подъ повѣстью объ Исаакѣ и Іаковѣ, о Саулѣ и Давидѣ и однимъ своимъ присутствіемъ сдѣлала тѣ книги мудрыми. А въ послѣдовавшія уже времена показала она во образѣ мужескомъ, ставъ Богочеловѣкомъ. Каковымъ же образомъ родилась сія Премудрость отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ Отца, какъ Она воскресла и опять къ Своему Отцу вознеслась и прочее, пожалуй не любопытствуй. Поступай и здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоторомъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется; а за ширмы не заглядывай. Сдѣлана сія занавѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердець... На что тебѣ, напр., спрашивать о воскресеніи мертвыхъ, если и самый даръ—воскрешать—нисколько не пользуется бездѣльной души? Отъ такихъ-то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія и прочія язвы, коими весь свѣтъ беспокоится. Высочайшее Божье дѣло есть одну безпутную душу оживотворить Духомъ своихъ заповѣдей, нежели изъ небытія привести новый земной шаръ, населенный беззаконниками. Да и не тотъ вѣренъ государю, кто въ тайности его проникнуть желаетъ, а тотъ, кто волю его усердно исполняетъ. Вѣчная сія Премудрость Божія во всѣхъ вѣкахъ и народахъ продолжаетъ рѣчь свою; но мы не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха, а самая большая часть по несчастному упрямству, зависящему отъ худаго воспитанія. Прислушивались нетлѣнному гласу Премудрости премудрые люди, называемые у Евреевъ Пророками и со глубочайшимъ опасеніемъ повелѣваемое исполняли. Она—начало и конецъ всѣхъ книгъ Пророческихъ; отъ нея, чрезъ нее и для нея все

въ нихъ написано. По сей причинѣ разныя себѣ имена она получила. Она называется образъ Божій, слава, свѣтъ, слово, воскресеніе, животъ, путь, правда, міръ, оправданіе, благодать, истина, сила Божія, имя Божіе и проч. А самыя первѣйшіе христіане именуютъ ее Христомъ, то есть, Помазанникомъ — Царемъ, потому что она одна управляетъ къ вѣчному и временному счастью всѣхъ государства, всякія сожителства и каждаго порознь. Да кромѣ того, у древнихъ царственнымъ называлось все то, что верховнымъ и главнѣйшимъ почиталось. Провидѣль, было, Авраамъ блаженнѣйшій свѣтъ ея, и на ней увѣрившись, сдѣлался со всѣмъ семействомъ своимъ справедливымъ и съ домочадцами благополучнымъ. Однако, она и прежде Авраама всегда у своихъ любителей жила. Такъ, Моисей, по тогдашнему, написалъ ея велѣнія на каменныхъ доскахъ и такъ сдѣлалъ, что невидимая Премудрость Божія, будто видимый человекъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою имѣетъ. Сія рѣчь, понеже раздѣлена отъ него на десять разсужденій или пунктовъ, названа „Десятословіемъ“. Пункты или разсужденія „Десятословія“ суть слѣдующія: I) Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене. Яснѣе сказать такъ: Я глава твоего благополучія и свѣтъ твоего разума. Берегись, чтобъ ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искусствахъ и вымыслахъ, хотябъ они и изъ Ангельскихъ умовъ родились. Положись на Меня крѣпко. Еслижъ, Меня покинувь, будешь проводить жизнь по иной премудрости, она будетъ тебѣ и богомъ, но не истиннымъ, а потому и счастье твое будетъ подобно воровской монетѣ. II) Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небесѣхъ горѣ, и елика на землѣхъ низу, и елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися имъ, ни по-

служиши имъ.— А на малоцѣнныхъ низкаго сорта камняхъ еще больше не вѣлю тебѣ строиться, т. е. на видимостяхъ. Ибо всяка видимость есть плоть, а всяка плоть есть песокъ. III) Не приѣмили имени Господа Бога Твоего всуе.— Смотри жъ, во первыхъ, не впади въ ровъ безумія, будто на свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя—Богъ—пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣріе, обманы, лукавства, измѣны и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А вмѣсто того напиши на сердцѣ, что будетъ судъ Божій, готовый невидимо жечь и сѣчь твою невидимую часть, не косня нимало, за всѣ слова, дѣла и мысли, въ коихъ меня, Премудрости, нѣтъ. IV) Помни день Субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмый—Суббота Господу Богу Твоему.— Сіе величество Божіе ты съ вѣрою и страхомъ въ день воскресный прославлять не забывай. Поклоняйся Богу не только наружно, обрядами, но самимъ дѣломъ, сердечно Ему подражая. Его дѣло и все веселіе въ томъ, чтобы всеминутно промыслять о пользѣ всякой твари, и отъ тебя больше ничего не требуетъ, кромѣ чистосердечнаго милосердія къ ближнимъ твоимъ. А сіе весьма легко. Вѣрь только, что самъ себя въ десятеро больше пользуешь, когда пользуешь другихъ, и на оборотъ. V) Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли.—Прежде всего почитай отца и мать и служи имъ; они суть видимые для тебя образы того невидимаго Существа, которое тебя столько одоужаетъ. А вотъ кто отецъ твой и мать; будь, во первыхъ, вѣренъ и усерденъ Государю, послушенъ градоначальнику, учтивъ къ священнику, покоренъ родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ. Вотъ истинный путь къ твоему вѣчному

и временному благоденствію и къ утвержденію твоего семейства. Чтожь касается до прочаго общества, берегись слѣдующаго: VI) Не убій. VII) Не прелюбы сотвори. VIII) Не укради. IX) Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства должна, т. е. не свидѣтельствуй должно, или не клевети, ибо это страшнѣйшій грѣхъ. X) Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.—Но понеже злое намѣреніе и сѣменемъ есть злыхъ дѣлъ, которымъ нѣтъ числа, а сердце рабское есть неисчерпаемый источникъ худыхъ намѣреній, для того по вѣкъ твой нельзя быть тебѣ честнымъ, если не попустишь, дабы Богъ вновь переродилъ сердце твое. Посвяти жъ оное не лицемѣрной любви. Въ то время вдругъ бездна беззаконій въ тебѣ заключится. Богъ, Божіе Слово, къ Его слову любовь— все то одно. Симъ троеличнымъ огнемъ разженное сердце никогда не согрѣшаетъ, потому что злыхъ сѣменъ или намѣреній имѣть не можетъ. Еслибы человѣкъ могъ скоро понять неогрѣшенную великаго совѣта сего Божія цѣну, то могъ бы его вдругъ принять и любить; но понеже тѣлесное, грубое разсужденіе сему препятствуетъ, для того нужна ему вѣра. Она, закрытое въ семь свѣтѣ блаженство, будто издали, въ зрительную проводить трубку... При ней необходимо должна быть надежда. Она удерживаетъ сердце человѣка при истинѣ и Премудрости, не допуская человѣка волноваться бурными постороннихъ мнѣній вѣтрами... Сіи добродѣтели сердце человѣческое, будто надежный вѣтеръ корабль, приводятъ наконецъ въ таванъ любви и ей поручаютъ. Въ то время, по открытіи душевныхъ очей, тайно взываетъ Духъ Св. въ душѣ слѣдующее: правда твоя правда во

вѣки и законъ твой есть истина. Вся „Десятословія“ сила вмѣщается въ одномъ семъ имени: любовь. Она служитъ вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ; она — огонь невидимый, которымъ сердце восплаляется къ Божію слову, а посему и самъ Богъ именуется любви. Сія Божественная любовь проявляется во внѣшнихъ видахъ или значкахъ; они то называются церемоніи, образъ или обрядъ благочестія. Церемонія возлѣ благочестія есть то, что возлѣ плодовъ листь, что на зернахъ скорлупа и шелуха. Если-жъ сія обрядность лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ бываетъ гробомъ поваленнымъ... Главное руководство для жизни добродѣтельной, согласной съ заповѣдями Премудрости, почерпать мы можемъ изъ Закона Божія и преданія человѣческаго. Какая же разница между ними? Законъ Божій пребываетъ во вѣки, а человѣческое преданіе не вездѣ и не всегда. Законъ Божій есть райское древо, а преданіе тѣнь. Законъ Божій есть плодъ жизни, а преданіе — лѣстvie. Законъ Божій есть Божіе въ человѣкѣ сердце, а преданіе есть смоквенный листь. Законъ Божій есть Святая Святыхъ храма Божія, а преданіе есть придѣланный ко храму притворъ. Сколько преддверіе отъ алтаря, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона ¹⁾. Если мы уклоняемся отъ жизни добродѣ-

¹⁾ Взглядъ Сковороды на св. Писаніе, какъ Законъ Божій, слѣдующій: „Библия, — говоритъ Сковорода, — есть Слово Божіе и языкъ огненный; она есть стрѣла Спасенія Господня, она есть аптека Божія, Премудростію уготованная для врачеванія мира душевнаго; она есть человѣкъ домовитый, уготовавшій сѣмена въ закромахъ своихъ; она есть завѣтъ, запечатлѣвшій въ себѣ миръ Божій, какъ огражденный рай увеселенія, какъ кивотъ, заключающій сокровище; она есть книга Богословская, какъ ведущая насъ единственно къ вѣдѣнію Божію, минуя все

тельной, то проводимъ жизнь грѣховную, живемъ во грѣхахъ или въ страстяхъ. Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ, она есть безумное желаніе видимостей и называется духомъ мучительнымъ. Главнѣйшая изъ всѣхъ страстей есть зависть—мать прочихъ страстей и беззаконій. Она есть главный центръ той пропасти, гдѣ душа мучится. Ничто при этой страсти душѣ не мило, ничто ее не красить, не пользуетъ; не миль ей свѣтъ, не любя

тлѣнное, она есть образъ износящій сіяніе славы Божіей, она есть поле, прозябающее цвѣты и траву... Презирать Библию—значить мудриться излишне, будто мы что-то лучшее выдумали! Библия оставлена намъ отъ предковъ нашихъ, какъ драгоценнѣйшій завѣтъ. Правда, есть люди, которымъ очень смѣшнымъ кажутся сотвореніе міра, отдыхъ Божій послѣ трудовъ, ярость Божія, вылѣпленіе изъ глины Адама, вдуновеніе жизненнаго духа, изгнаніе изъ рая, пьянство Лотова, родящая Сарра, всемірный потоць, столпотвореніе, пѣшешествіе чрезъ море, чинъ жертвоприношенія, лабиринтъ гражданскихъ законовъ, шествіе въ какую-то новую землю, страшныя войны, чудное межеванье и проч. Возможно-ль, чтобъ Енохъ съ Иліею улетѣли будто бы на небо? Сносно-ль натурѣ, чтобъ остановилъ Навинъ солнце? Чтобъ возвратился вспять Иорданъ? Чтобъ плавало желѣзо? Чтобъ Дѣва по Рождествѣ осталась дѣвою? Вѣрь сему грубая древность,—нашъ вѣкъ просвѣщенный! Такъ можетъ только говорить несмысленная наглость наша! Не разсуждаютъ говорящіе сіе, что Библия Богомъ создана изъ священно-тайственныхъ образовъ. Небо, луна, солнце, звѣзды, вечеръ, утро, облака, дуга, рай, птицы, звѣри, человекъ и проч., все это суть образы высоты Божіей Премудрости, показанной Моисею на горѣ; все это и вся тварь есть стѣнь, образующая вѣчность... Такъ и Богъ образуется въ Библии подъ именемъ *колеса*, ибо Онъ, начиная все, Самъ не начинается, подъ именемъ *главы*, *источники*, *зерна*, *Востока*, *сердца*, *дерева плодовитаго*, *устъ*. Образуетъ Бога въ Библии благодарность Іовлева, цѣломудріе Іосифово, ревность Іліина, чистота Сусанина, крѣпость Давидова, правда и вѣра Авраамова. А какъ въ розахъ, лиліяхъ и

благочинность, а вредъ столь сладокъ, что вся она въ немъ погрязаетъ. Отъ этого адскаго дракона — всѣ грѣхи, а вотъ родъ его: ненависть, памятозлобіе, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина и прочій не усыпаемый въ душѣ червь. Противится сей безднѣ душевной чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе св. Духа. Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтерковъ, сладкодышущихъ цвѣтовъ исполненному, въ

нарциссахъ благовонность по добротѣ одна, но разная по вкусу, такъ и сія разнovidная сила Божія, таящаяся въ избранныхъ Его, на подобіе злата и драгихъ каменьевъ, довольно заслужила, дабы имена любезнѣйшихъ челоуковъ и дѣла ихъ были будто корзинами Вседражайшаго Существа, царствовавшаго въ одушевленныхъ ихъ тѣлахъ. И подлинно, сила терпѣнія похожа на аеомантъ, цѣломудренная чистота — на прозрачную зелень смарагда, вѣра и любовь Божія — на огневидный акораксъ. Самыя ихъ мелкія дѣйствія, будто обломки зеркала, цѣлое лице Божіе изображаютъ... Изъ множества таковыхъ образовъ соплетается Библейская исторія, вмѣщающая снисхожденіе въ міръ Невмѣстимаго... Отсюда самый Библейскій слогъ похожъ на господскій домъ, подъ видомъ гостиннаго дома утаенный; похожъ на домикъ, оставленный въ наслѣдіе сыну отцемъ, — сынъ догадался, что домикъ этотъ, наружныя стѣны котораго не искусно обдѣланныя, суть громада безцѣннаго матеріала, похожъ на рыбацкую мрежу, множествомъ безчисленныхъ шариковъ изъ дражайшихъ камней осажденную; онъ есть сила въ немощи, цѣна въ нищетѣ, въ буйствѣ премудрость. Богъ же изображается въ Библии образами для того, что какъ ты изображаешь фигурами или удареніемъ воздуха твои невидимыя мысли, чтобы сдѣлать ихъ видными, такъ въ сто тысячъ кратъ Богъ сокровеннѣе внутри твоихъ мыслей... Писать другія книги Библейскимъ слогомъ — тоже, что одѣвать обезьянъ въ высокородное платье, или сажать рабовъ въ господскія кареты... („Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ Г. В. Сквороды“. Москва, 1837 г., стр. 36, 41, 42, 48, 54, 68, 58, 81, 82, 85—87, 89—91, 92, 94).

которомъ процвѣтаетъ древо нетлѣнныхъ жизни. А вотъ плоды его: доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, неліцемѣріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе, крѣпость силъ и прочія неотъемлемыя утѣшенія. — Кто такову душу имѣетъ, миръ на немъ и милость и веселіе вѣчное надъ главою сего истиннаго христіанина¹⁾ Такова въ общихъ чертахъ система нравственно-философскаго ученія Григорія Савича Сковороды, покрайней мѣрѣ по тѣмъ его произведеніямъ, какими мы имѣли возможность пользоваться. — Уже изъ этого, вкороткѣ изложеннаго нами, нравственно-философскаго ученія Сковороды не трудно видѣть, что ни его собственно философская, ни нравственная система ученія не представляетъ изъ себя чего-либо вполне оригинальнаго, самостоятельнаго а служить только выраженіемъ болѣе или менѣе искуснаго подражанія ученію древнегреческихъ философовъ — Платона и Сократа, а также средневѣковыхъ алхимиковъ, мистиковъ, кабалистовъ (преимущественно, —

1) „Начальная дверь во христіанскому добронравію. Написана въ 1766 году для молодаго Шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году“. (Сочин. въ стих. и прозѣ Григор. Сав. Сковороды, Спб. 1861 г., стр. 268—287). Приведенное нами почти цѣликомъ это произведеніе Сковороды, содержащее ученіе, преподанное имъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1766 году, послужило, между прочимъ, одною изъ причинъ къ удаленію его изъ коллегіума. Снегиревъ (Отеч. Зап. Изд. Свиньина, 1823 г., № 42, октябрь, стр. 105) говоритъ объ этомъ произведеніи Сковороды: „сочиненіе это навлекло ему (Сковородѣ) непріятности; въ немъ нашли мысли противныя общему мнѣнію и несогласныя съ господствовавшею тогда системою ученія“. Извѣстно, что Сковорода защищался противъ взведеннаго на него обвиненія, но въ чемъ именно состояла его защита, мы не знаемъ. Въ журналѣ „Воронежскій Литер. Сборникъ“ 1861 г. (Григорій Савичъ Сковорода, біографическій сборникъ. А. К.) на стр.

такъ называемой, Герметической философіи) съ одной стороны, и ученію святоотеческому—съ другой. Быть можетъ на это ученіе Сковороды вліяли также не мало и ученія современныхъ ему Баварскихъ франкъ-масоновъ и иллюминатовъ, съ которыми не могъ онъ не познакомиться во время своего пребыванія за границей, не безъ извѣстнаго, конечно, вліянія на это его ученіе былъ и характеръ преподаванія въ его время философіи и богословія въ Кіевской академіи (въ его время философію въ Кіевской академіи читалъ архимандритъ Михаилъ Козачинскій); но въ какой мѣрѣ все это вліяло на нравственно-философское ученіе Сковороды, сказать не беремъ, такъ какъ считаемъ себя и не вполне знакомыми съ его произведеніями (изъ 30 слишкомъ его произведеній мы имѣли подъ руками только 11), чтобы представить окончательную оцѣнку ихъ, и мало компетентными въ рѣшеніи данныхъ вопросовъ... Можемъ сказать одно только, что вообще во всѣхъ его произведеніяхъ, извѣстныхъ намъ, мы не нашли ничего, хотя мало подрывающаго нравственно-

259, эта защита Сковороды представлена въ такихъ выраженіяхъ: „до меня то и то дошло,—дѣйствительно для внутренней моей экономіи я воздерживаюсь отъ мяса, вина и совѣтовалъ тоже дѣлать нѣкоторымъ молодымъ людямъ... Давая свои совѣты, я зналъ лицо, мѣсто и время, зналъ, что все дано отъ Творца, но не все всѣмъ бываетъ полезно. Несправедливо меня почли за манихей, челоѣконенавистника и богохульника. Богъ судилъ мнѣ быть въ низкомъ званіи, и я соблюдаю долгъ званія моего въ одеждѣ и поступкахъ, въ обращеніи съ старшими и знатными, и хорошо помню свое ничтожество. Пусть меня величаютъ еретикомъ,—я все сказалъ, и въ этихъ словахъ мое оправданіе!..“ Защита эта, приведенная въ крайне общихъ выраженіяхъ, ничего не говоритъ намъ, какія именно обвиненія были выставлены противъ „христианскаго добронравія“ Сковороды.

религіозныя основы жизни гражданской и государственной. Напротивъ, всюду Сковорода является проповѣдникомъ чистыхъ нравственныхъ истинъ, всюду добродѣтель съ ея чисто Евангельскимъ характеромъ является желаннымъ пунктомъ всѣхъ его стремлений.. Правда, даже въ нравственно-философскомъ ученіи Сковороды, изложенномъ нами на основаніи не многихъ, извѣстныхъ намъ, его произведеній, мы встрѣчаемъ уже нѣкоторые пункты соприкосновенія его ученія съ ученіемъ нашихъ сектантовъ—духоборцевъ и молоканъ; извѣстно намъ и то, что у сектантовъ этихъ Сковорода пользуется именемъ „апостола истиннаго христіанства“ и сочиненія его приобретаются ими за значительныя суммы; извѣстенъ, наконецъ, и тотъ фактъ, что по поводу ученія Сковороды, даже при его жизни, были производимы „секретныя дознанія“, кончившіяся, впрочемъ, ничѣмъ... 1) Но и при всемъ этомъ не можемъ не высказать того своего мнѣнія, что едва-ли въ данномъ случаѣ духоборцы и молокане правы, считая Сковороду сторонникомъ и адептомъ своихъ религіозныхъ взглядовъ. Здѣсь могло произойти чисто наружное и случайное сходство, какъ результатъ взаимодѣйствія сходныхъ въ своей основѣ, но далеко различныхъ по своимъ слѣдствіямъ, причинъ. Склонный, по самому своему природному характеру, къ мистицизму, воспитанный на тѣхъ же религіозныхъ возрѣвнiяхъ нѣмецкаго раціонализма, которыя легли также и въ основу нашего молоканства и

1) Смотри: сочин. „Раскольники и Острожники“, Θεод. Васил. Ливанова, томъ II, стр. 67—80, пункты I—XX. Статья: „Екатеринославскіе молокане и духоборцы“. Тоже сочин. стр. 232—241; статья: „Украинскій философъ Григорій Савичъ Сковорода и его значеніе среди духоборцевъ и молоканъ, стр. 239 и примѣч. 23, на той же страницѣ.

духоборства, Сковорода естественно и безъ всякой предвзятой цѣли могъ высказать и одинаковые съ молоканами и духоборцами взгляды и мнѣнія. Но если и такъ, то не забудемъ, во всякомъ случаѣ, что между Сковородою, съ одной стороны, и духоборцами и молоканами—съ другой, если и есть чисто наружное сходство, то есть и неизмѣримая разница. Если молокане и духоборцы—„сектаторы“, то Сковороду мы можемъ назвать лишь мистикомъ, а это въ данномъ случаѣ,—скажемъ словами Гекерторна,—„громадная разница. И именно, если мистики люди мысли, то сектаторы—люди дѣйствія. Мистики усматриваютъ только въ раю тотъ самый идеаль, преобразованный, расширенный и увѣковѣченный, котораго сектаторы такъ добиваются на землѣ. Мистики—это жрецы безконечнаго, самые кроткіе изъ людей; они отличаются большою терпѣливостію, прощаютъ все, сожальютъ обо всемъ; посредствомъ видѣній и экстазовъ они доходятъ до чистаго и простаго пониманія сверхъестественнаго, которое обожаютъ болѣе своимъ воображеніемъ и любовью, чѣмъ учеными и софистическими понятіями теологіи. Область мистиковъ общая всѣмъ религіямъ, это—всеобщее жилище души—высота, съ которой виднѣтся соединеніе безчисленныхъ горизонтовъ совѣсти“. 1) Эту характеристику мистика мы вполне и цѣликомъ можемъ отнести именно къ личности Сковороды.... Такимъ именно является онъ и въ своей жизни, такимъ и въ своихъ сочиненіяхъ, даже и мистическихъ, которыя по извѣстному тяготѣнію и средству не могутъ не быть такъ любы нашимъ молоканамъ и духоборцамъ!... 2) Но если Сковорода не выдается ничѣмъ

1) „Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ“ Чарлза Уильяма Гекерторна, изд. Ахматовой, Спб. 1876 года, часть II, книга IX, пунктъ 296, стр. 5—6.

2) Хиджеу („Телескопъ“ 1835 г., ч. XXVI, № 6, стр.

особеннымъ, какъ оригинальный философъ-теоретикъ, то за то полного нашего уваженія заслуживаетъ онъ, какъ народный учитель—практикъ, какъ не сухой лишь только проповѣдникъ теоретическихъ истинъ, мало заботящійся о томъ, — примѣнимы ли его истины въ жизни, — а человекъ и воплощавшій въ себѣ самомъ, въ своей жизни, проповѣдуемая имъ истины. Тутъ Сковорода является по истинѣ человекомъ, заслуживающимъ нашего полного уваженія. А такимъ именно, скажемъ мы опять, и является Сковорода и въ письмахъ, и въ „басняхъ, и въ думахъ своихъ“... Достаточно взять, напр., хоть слѣдующій отрывокъ изъ его письма, довольно полно характеризующій его съ разсматриваемой нами стороны, чтобы судить, насколько мы правы въ данномъ своемъ о немъ сужденіи. „Отеческое наказаніе, — говоритъ Сковорода, — заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаиваетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпроважаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣтъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностью. Не по кошельку

154), а затѣмъ и архим. Гавріиль („Истор. фил.“ часть VI, стр. 63) признають, что въ „видѣніяхъ“ своихъ, составляющихъ содержаніе мистическихъ его произведеній, Сковорода „представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ прю благихъ и злыхъ духовъ о человечествѣ и народности“. Мы, хотя отчасти, ознакомились съ мистическими произведеніями Сковороды и должны сказать, что съ этимъ мнѣніемъ мы далеко не согласны. Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробный разборъ, скажемъ только, что скорѣе въ этихъ произведеніяхъ Сковорода изобразилъ „борьбу мрачныхъ стихійныхъ силъ, производящихъ въ человекѣ непрестанную брань съ духомъ и обуздываемыхъ разумомъ, какъ бы цѣпью, управляемыхъ по Закону Божію“.

суди сокровище: праведенъ судъ суди. Иногда во вретисѣ дражайшій кроется камень. Вспомни нашу пословицу: красна хата не углами, а пирогами. Я и самъ не люблю превратной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: стучить, шумить, гремить, а что тамъ?... Кобыля мертвая голова бѣжить. Говорять и Великороссійцы: летала высоко, а сѣла не далеко,—о тѣхъ, что много и красно говорить, а нечего слушать. Не любя мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь, а люблю то, что, по нашей пословицѣ, сверху—ничто, но впереди что; снаружи огонь, но внутри истина... Русь не любитъ учиться, а любитъ глумиться, и хочешь-ли поучать народъ, поглумляйся вмѣстѣ съ нимъ въ премудрости“... 1) Если припомнимъ при этомъ, опуская многое другое, хоть одну „думу“ Сквороды „Всякому городу нравъ и права“ и взглянемъ на его правоученія къ баснямъ, дышущія чисто живымъ сердечно-теплымъ, вполне жизненнымъ и практическимъ духомъ наставленія, то необходимо должны будемъ отдать Сквородѣ должную дань справедливаго уваженія, какъ мыслителю—практику и народному учителю.—Самъ Скворода, называя свое ученіе „простонародною тканью или плетью“, считалъ себя народнымъ учителемъ и весьма высоко цѣнилъ это званіе народнаго учителя. „Учителю,—разсуждаетъ онъ,—надлежитъ быть вездѣ-сущимъ въ народѣ, ибо изводъ (форма, типъ) образованія долженъ быть изъ народа, ради народа, для народа, народный, долгъ же учителя познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты (идею) и образованія и сочетать себя съ народомъ... Коликое идолопоклонство,—продолжаетъ далѣе Скворода,—восписывать выписнымъ муд-

1) Письмо къ іерею Іакову Правицкому, отъ 1774 года.

редамъ и покупнымъ учителямъ изъ Нѣмцевъ и Французовъ силу восприносить и воспричитать воспитаніе! Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимкою утаевается въ камышеѣ. Приставъ же губку, либо трутъ, не пожелѣй же руки, и ударь кресаломъ (огнивомъ) и выкрешешь (высѣчешь) огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ (избамъ) съ трепетицею (ветошка, тряпица), кланяться и просить: позычь—де (займи) мнѣ огню!..“¹⁾ Таковъ долженъ быть идеаль народнаго учителя, по Сковородѣ, и таковъ былъ его взглядъ на народное образованіе,—взглядъ, замѣтимъ, знаменательный не только для его, но и для нашего времени!.. Не можемъ пройти молчаніемъ и еще одной довольно симпатичной черты въ личномъ характерѣ Сковороды. Черта эта—безпредѣльная любовь его къ родинѣ, къ простому сѣрому народу Русскому,—любовь, часто смѣняющаяся грустью при видѣ неудовлетворительнаго состоянія нравственной и умственной стороны развитія роднаго народа. „Мати моя—Малороссія и тетка моя—Украина!..“²⁾ такъ величаетъ часто въ своихъ письмахъ Сковорода родную сторону. О простомъ народѣ Русскомъ Сковорода пишетъ: „Барская суетность (гордая мысль), будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертва,—ибо какъ мертвой матери раждать живыхъ дѣтищъ? И какъ изъ утробы чернаго народа вывелись бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни

¹⁾ „Телеск.“ 1835 г., стр. 164 „Притча Еродій, о воспитаніи“.

²⁾ Письмо изъ Ольшанскія Ивановки отъ 26 сентяб. 1790 г. и другія.

человѣка, ибо право, право не вижу толку въ между-
житіи и между смертіи: ибо что же живая смерть и мерт-
вая жизнь? О, философы! Сонъ есть часть жизни, т. е.
живая смѣна въ явленіи жизни, въ ней же замыкаются
прелести внѣшняго міра и отверзаются духовныя мечты,
чтобы свернуть познаніе жизни свыше изъ внутренняго
міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, пускай спитъ
и сномъ крѣпкимъ богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ;
но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не
мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ
проснется; когда намечтается, такъ очутится и забодр-
ствуешь!¹⁾ Сквородѣ въ энтузіазмѣ казалось, что духъ
его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы
осиаетъ вселенную въ ея безконечности, но вселенною
была для него Русь святая, человѣчествомъ — народъ Рус-
скій. „Когда умъ мой и сердце мое, — говоритъ Скво-
рода, — водворяются въ домъ, который Премудрость соз-
дала себѣ во святой Руси, и уживаюсь отъ тука дома
сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ
Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ лю-
дей, новую тварь, новое твореніе и новую славу. О, какъ
мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно!
Мысль моя летаетъ безпредѣльно въ высоту, въ глубину,
въ ширину; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи;
она провидитъ отдаленное, прозираетъ современное, за-

¹⁾ Телеск. 1835 г., стр. 166. „О внутреннемъ чело-
вѣкѣ“.

глядываетъ въ преждебывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана, входитъ сквозь двери заключенныя: глаза ей голубиныя, крылья орлиныя, проворность оленя, дерзость львиная, вѣрность горличная, благодарность пеларгова (аистова), агнцово незлобіе, быстрота соколя, бодрость журавляя. Ведетъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія, — облекается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія. О какъ тяжко и грустно изъ сей горней страны обращаться долу, гдѣ мудрецы очами бочутъ (косятся глазами), устами гогочутъ (хохочутъ), что мнится бѣсы ихъ мучать, и шевелятся, и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчутъ, какъ римская цитерія (кукла), чувствуютъ, какъ кумирь, мудрствуютъ, какъ идолъ, осязаютъ, какъ преисподній кротъ, щупаютъ, какъ безокий, у него же только слѣпцыя очи, гордятся какъ безумный, измѣняются, какъ луна, беспокоятся, какъ сатана, алчны, какъ песь, жадны, какъ водяная болѣзнь, лукавы, какъ змій, ласковы, какъ крокодиль, постоянны, какъ море, вѣрны, какъ вѣтеръ, надежны, какъ ледъ, разсыпчивы, какъ прахъ, исчезаютъ, какъ сонъ. И это люди? люди, люди!...“¹⁾ Этимъ мы и заканчиваемъ свой короткій и далеко не полный очеркъ жизни и литературной дѣятельности достопамятнаго Григорія Савича, прибавивши въ заклю-

¹⁾ „Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Правосл.“ (Телеск. 1835 г., ч. 26, стр. 155—156).

ченіе слова Срезневскаго: „очень жаль, что такъ скоро забыть Скворода, нашъ великій народо-учитель, стоящій быть болѣе извѣстнымъ и памятнымъ въ литературѣ, а можетъ быть и въ исторіи!...“ „О Сквородѣ выражаются,—говоритъ тотъ же Срезневскій, что онъ и въ своемъ учении и въ своихъ произведеніяхъ допустилъ весьма много погрѣшностей, которыя не даютъ ему права занять мѣсто серьезнаго ученаго въ Русской литературѣ... Не отвергаемъ этого, но не забудемъ и этихъ достопамятныхъ словъ Сквороды: „человѣкъ есмь, и согрѣшаю, не бѣсъ паки есмь, и каюся!...“ 1).

Иванъ Яновскій.

1) „Москвитянинъ“ 1840 г., № 1, част. 1, матер. для русск. истор., стр. 117.—Благодаря счастливой случайности, скоро мы думаемъ познакомить нашихъ читателей и съ неизданными произведеніями Гр. Сав. Сквороды.

Считаемъ нужнымъ исправить слѣдующія неточности, допущенныя нами въ первомъ отдѣлѣ нашей статьи: 1) м. Чернухи, Лохвиц. уѣзда, находится не въ 100 (какъ то мы написали), а въ 160 верстахъ отъ г. Полтавы („Памят. Книжка Полт. губер.“ П. Бодянскаго, Полтава, 1865 г., стр. 104, „Алфавит. Указ. Значит. сель и мѣстечекъ“...); 2) Ахтырскій Троицкій монастырь не закрытъ, а былъ закрытъ въ 1787 г., но открытъ въ 1843 году („Харьковскій Календарь на 1884 г.“ стр. 360).

III.

Программа ¹⁾ для собиранія свѣдѣній о народныхъ суевѣрїяхъ и повѣрїяхъ въ южной Россїи ²⁾.

А. ВѢРОВАНІЯ И СУЕВѢРІЯ.

1) Небо, свѣтила и небесныя явленія.

Что такое, по народному понятію, небо, солнце, луна, звѣзды, созвѣздія, млечный путь, кометы, падающія звѣзды, воздушныя камни, столбы, круги и кресты, появляющіеся около солнца или луны, заря, сѣверное сіяніе, громъ, молнія, облака, тучи, дождь, снѣгъ, градъ, роса, иней, туманъ, морозъ? Не олицетворяются-ли эти свѣтила и явленія въ видѣ людей и животныхъ? Не существуетъ-ли какихъ-либо разсказовъ о нихъ? Какъ объясняется смѣна дня и ночи? Куда солнце скрывается ночью? Гдѣ находится его жилище, и что оно въ немъ дѣлаетъ? Кто составляетъ его семью, и что услуживаетъ ему? Въ какомъ образѣ ночная темнота нападаетъ на солнце и что съ нимъ дѣлаетъ? Какъ солнце передъ утромъ оживляется и снова появляется на небѣ? Какъ объясняется перемѣна времени года? Отчего бываетъ весна, лѣто, осень и зима?

¹⁾ Печатается по просьбѣ распорядительнаго комитета VI археологическаго сѣзда при Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. — *Ред.*

²⁾ *Общее положеніе.* Записывая то или другое народное устное произведеніе (пѣсню, сказку, пословицу, загадку и т. д.), тотъ или другой обрядъ и обычай, повѣріе, слѣдуетъ указывать мѣсто записи (село, волость, уѣздъ, губернію), а также фамилію записавшаго и сообщившаго. Собранный матеріалъ почтенный этнографъ не откажетъ препроводить въ сыромъ или обработанномъ видѣ, лично или почтой на VI археологич. сѣздѣ (къ 15 авг. 1884 г.) въ *гор. Одессѣ, адресуя въ распорядительный комитетъ VI археологическ. сѣзда при Император. новорос. уни-верситетѣ.*

Нѣтъ-ли въ разсказовъ о борьбѣ зимы съ лѣтомъ? Какъ представляется весна и зима? Отчего бываютъ затмѣнія солнца и луны? Что народъ дѣлаетъ во время затмѣнія, и какихъ послѣдствій ожидаетъ отъ него? Отчего происходятъ разныя фазы или измѣненія луны? Какъ они называются (*молодыкъ, старыкъ, перекрѣй*), и отчего произошли эти названія? Отчего пятна на лунѣ? Что народъ говоритъ о вліяніи луны на людей, животныхъ и растенія? Что можно и чего нельзя дѣлать въ извѣстныя фазы луны (*на молодыку, на повнімъ місяцю* и др.)? Какія существуютъ названія звѣздъ и созвѣздій, и отчего произошли эти названія? Вѣрять-ли народъ во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка (*планиды*)? Что предвѣщаютъ кометы? Что разсказывается о громѣ, о молніи? Отчего они происходятъ? Можно-ли отъ нихъ укрыться? Можно-ли затушить пожаръ, причиненный молніей? Что такое громовыя стрѣлы? Что дѣлаютъ бѣсы во время грозы? Что дѣлаютъ люди для отвращенія грозы? Что дѣлаютъ люди для отвращенія громовой тучи и удара молніи? Что предпринимаютъ для отвращенія тучи съ градомъ?

Примѣчаніе 1. Общее возрѣніе славянъ на природу было антропоморфическое (человѣкообразное); они представляли ее существомъ живымъ, подобнымъ человѣку, съ человѣч. движеніями, мыслями, желаніями и страстями. Замѣч. образцомъ такого антропоморфизма служитъ представленіе объ отношеніяхъ между небомъ и землей, мѣсяцемъ и солнцемъ — подъ формою *брачнаго союза*. Супружескія отношенія, замѣчаемыя между людьми, да и во всей природѣ, навели древнихъ — на мысль, что и между двумя свѣтилми существуютъ такія-же отношенія, только современемъ отъ чего нибудь испорченныя, — нарушенныя. Поселяне до сихъ поръ, давая мѣсяцу роль мужа, считаютъ его виновникомъ ссоры и называютъ „гордымъ,

зачинщиком“. Антропоморфизмъ въ созерцаніи природы древними славянами необходимо условливалъ собою разнообразіе въ представленіи явленій природы. Иначе представлялъ себѣ ее пастухъ, иначе земледѣлецъ, иначе воинъ и т. д., каждый полагая на природу формы своего быта. Всего яснѣе открывается это въ воззрѣніяхъ древнихъ славянъ на грозу, которая представлялась *то пиршествомъ, то охотою, то битвою, то молотбою, то ковкою оружія, то свадьбою, то похоронами* и т. под.

Примѣчаніе 2. Народъ представляетъ себѣ небо горой, сдѣланной изъ камня или стекла (въ сказкахъ), радугу считаетъ какимъ-то коромысломъ, громъ объясняетъ шумомъ, происходящимъ отъ движенія по небу колесницы (чѣей?), молнію—искрами, падающими отъ копытъ коней, запряженныхъ въ эту колесницу, млечный путь небесной дорогой, метеоры—змѣями, падающія звѣзды—душами умершихъ и пр.

Примѣчаніе 3. Всѣ почти упомянутыя свѣтила и явленія олицетворяются, солнце, напр., въ видѣ лошади, пастушки, княгини; мѣсяцъ въ видѣ быка (въ пословицѣ), пастуха и князя (въ заклятійхъ); звѣзды считаются ихъ дѣтьми; заря олицетворяется въ видѣ красной дѣвицы (въ загадкѣ), тучи въ образѣ бѣсовъ, градъ въ образѣ чело-вѣка, вѣдущаго верхомъ на бѣлой лошади, и пр.

Примѣчаніе 4. Смѣна дня и ночи, временъ года, фазы луны и затмѣнія объясняются нападеніемъ на свѣтила злой силы тьмы, въ видѣ волка, змѣя, чертей, великановъ, вѣдмъ и пр.

Примѣчаніе 5. Извѣстны уже слѣдующія названія звѣздъ и созвѣздій: *Візь, Чепіа, Козары, Хрестъ, Красна дівка, Квочка, Вовча звізда, Світова и Вечірня зірка* и пр.

2) *Земля, стихіи и различныя естественныя явленія на землѣ.*

Какъ представляется земля: въ видѣ-ли плоскости или

пара? Гдѣ конецъ земли? Гдѣ она сходится съ небомъ? Доходилъ-ли кто до конца земли? Чѣмъ земля окружена и на чемъ держится? Что находится на концѣ земли и въ ея нѣдрахъ? Что такое *вырій* или *тепла сторона* (*теплі воды*), и гдѣ онъ находится? Что есть на немъ? Отчего произошли горы, пропасти и курганы, равнины, дѣса и проч? Питаетъ-ли народъ уваженіе къ землѣ, и въ чемъ оно выражается? Какимъ образомъ олицетворяется земля?

Примѣчаніе. По народному понятію, земля прикрывается небомъ, какъ крышкой, края котораго опускаются въ воду окіана-моря, окружающаго землю. На восточной сторонѣ этого моря находится островъ *Вырій* или *Ирай* (у Великоруссовъ называемый Буяномъ), жилище солнца и умершихъ благочестивыхъ людей. Сюда улетаютъ птицы на зиму; здѣсь-же собраны всѣ чудесныя сказочныя животныя, растенія и различные предметы: *звѣрь индрыкъ*, *жаръ-птица*, *дубъ-стародубъ*, *бѣлый камінь*, *цѣлюща и живуща вода*, *святая гора* и проч. Землю называютъ *матірью*, цѣлуютъ ее во время посѣвовъ, кланутся ей.

Славяне (и другіе арійцы) признавали землю чѣмъ-то *святымъ и божественнымъ*. Древніе русскіе проповѣдники возстаютъ противъ „именованія земли богомъ“. Стригольники (ерет. секта XIV в.) и позднѣйшіе раскольники-безпоповцы учили „каяться къ землѣ“. Старинные апокрифы, запрещая „матерныя слова“, прибавляютъ, что такой грѣхъ не будетъ прощенъ, ибо этими словами „носится мать—сырая, святая земля“. Галицкія и малорусскія поговорки доселѣ называютъ землю „святою“ („бувай богатъ, якъ земля святая“,—или „щобъ його свята земля не пріймала“). Древними славянами *приписывалась землѣ сила*: а) *плодородная*. Они ее считали общей матерью и кормилицей („не бей землю, не дасть тебѣ хлѣба“,

говорять словаки; „земля-кормилица“ — эпитетъ весьма частый въ русскихъ народ. пѣсняхъ). Переносъ на весь миръ челоѡкообразныя воззрѣнія, славяне представляли себѣ землю въ брачныхъ отношеніяхъ съ небомъ, въ весеннихъ и лѣтнихъ грозахъ видѣли торжество брака между ними, въ дождѣ — самый актъ оплодотворенія, а въ произведеніяхъ земли — плоды этого брака; — б) с. *укрѣпляющая*. По народнымъ былинамъ богатырь-оратай Микула Селяниновичъ, котораго любить мать сырая-земля, отличался гигантской силой. Илья Муромецъ, повергнутый въ поединкѣ съ Нахвалыщиной, набирается отъ земли новой силы (миѣвъ греческ. объ Антеѣ и Геркулесѣ). Подобное вѣрованіе отражается въ обычаяхъ жницъ послѣ жатвы кататься по полю, приговаривая: „нива, нива, отдай мою силу, что я тебя жала, силу роняла;“ — в) *цѣлбная*. Въ Нижегородск. губерніи доселѣ собираютъ цѣлбныя травы съ слѣдующими припѣвами и обращеніями къ землѣ: „гой земля еси, сыра-земля, земля-матера, матеръ еси намъ родная! ради насъ, своихъ дѣтей, зелій еси народа, повели съ себя урвати разныхъ снадобьевъ и угодьевъ“ и проч. Земля, смоченная слюной, считалась лекаствомъ, заживляющ. раны; — г.) с. *вѣщая*. Славяне припис. землѣ силу авторитетнаго *свидѣтеля*, выдающаго, что дѣлается на ней и могущаго покарать преступника. Отсюда наиболѣе сильная клятва скрѣпляется цѣлованіемъ или вкушеніемъ земли. Употреблялась клятва съ кускомъ дерна или земли на головѣ, особливо при поземельныхъ тяжбахъ (почему и грамоты на поземельн. владѣніи въ позднѣйшее время XVI—XVII в. назыв. дерноватыми). Клятва „побратимства“ совершалась подъ кускомъ дерна, воткнутомъ на копье. Можно думать, что землѣ приносились жертвы — слѣдоват. б. специаль. культъ: до нынѣ крестьяне въ разныхъ мѣстахъ и случаяхъ посыпаютъ

землю крупою, поливаютъ ее масломъ, съ разными обра- щеніями къ ней и прищѣвами. Кажется, что былъ даже особый день нарочитаго празднованія земли, такъ какъ и до- нынѣ крестьяне въ Духовъ день зовутъ землю „именин- ницей“ и считаютъ за грѣхъ не только обрабатывать ее, но даже вбивать въ нее колья.

Откуда берется вода? Употребляется-ли она какъ ле- карственное или очистительное средство въ болѣзняхъ и обрядахъ, и при какихъ именно? Что такое *непочата вода*? Какія еще существуютъ названія воды? Что такое моря и рѣки? Отчего они произошли? Откуда и куда текутъ? Отчего у насъ высыхаютъ рѣки? Какимъ образомъ олицетворяются вода и рѣки? Питаетъ-ли народъ уваженіе къ водѣ и рѣкамъ, и въ чемъ оно высказывается?

Примѣчаніе. Относительно обожанія воды славянами не мало намъ говорятъ древніе памятники. Несторъ го- воритъ о Полянахъ: „бяху-же тогда погани, жруще озе- ромъ и володезямъ“. Уставъ Владиміра упоминаетъ „мо- лящихся у воды“. Славянами б. усваиваема водѣ сила: а) *плодородная*. Изъ непосредственнаго наблюденія надъ без- условной необходимостью влаги—воды для всякой расти- тельной, вообще органической, жизни—славяне перенесли идею плодотворной силы воды и на міръ человѣческой, а потому водили женщинъ къ водѣ въ надеждѣ ихъ чадородія (свидѣт. Нестора и Кирилла). У южно-руссковъ вода часто зовется *матірью*; б) — *илебная*. „Будь здоровъ якъ вода“ говоритъ народное присловье. Въ иныхъ мѣстахъ Россіи и доселѣ купають больныхъ въ прорубяхъ или обливаютъ ключевой водой, почерпнутою рано утромъ, приговаривая: „съ гуся вода, съ лебедя вода, съ тебя худоба“; есть, наприм., такіе заговоры: „умываю красную дѣвицу NN изъ загорнаго студенца ключевою водою, стираю и съ красной дѣвицы всѣ узороки съ призораками

(*вылывать переполохъ*). Подъ вліаніемъ христіанства такая идея о цѣлебной силѣ воды перенесена на „Богоявленскую“ и вообще „святую воду“;—в) *вѣщая*. Вода стихія текущая, измѣняющаяся, всегда была символомъ быстро измѣняющейся жизни человѣческой. Наши предки думали провести эту аналогію до крайнихъ предѣловъ и, влекомые желаніемъ знать будущее, думали по измѣненіямъ въ водѣ угадывать послѣдующія перемѣны въ своей жизни. Въ святки дѣвушки ходятъ къ проруби смотрѣть въ водѣ суженныхъ. Въ семикъ бросаютъ вѣнки въ воду; чей поплыветъ, та выйдетъ замужъ. Святочныя гадательныя пѣсни поются надъ чашей съ водой. Знахари при своихъ гаданіяхъ смотрятъ въ воду; она чаще всего употребляется при заклятіяхъ. Вѣрованіе въ вѣщую силу воды сказалося и въ обычаѣ при трудныхъ юридическихъ случаяхъ допускать „испытаніе водой“ (въ „Любушиномъ судѣ“—встрѣчаемъ „воду святосудну“). Слѣды этого въ пословицахъ: „правда въ водѣ не таетъ“, „вывести кого на свѣжую воду“. *Культъ воды* состоялъ въ бросаніи въ воду жертвъ (свидѣт. Льва Діакона о приношеніи младенцевъ и пѣтуховъ въ жертву Дунаю воинами Святослава); Садко-богатырь, гость новгородскій,—бросаетъ въ Волгу хлѣбъ съ солью, а потомъ и самъ выдается въ качествѣ жертвы водяному царю для усмиренія бури (подобное преданіе о Стенькѣ Разинѣ и персидской царевнѣ). Часто рѣки и криницы народомъ на югѣ Россіи олицетворяются въ видѣ дѣвушекъ. Уваженіе къ водѣ высказывается также тѣмъ, что въ нее народъ считаетъ грѣхомъ плевать.

Откуда взялся на землѣ первый огонь? Въ какихъ обрядахъ огонь употребляется? Въ какомъ видѣ онъ олицетворяется? Питаютъ-ли къ нему уваженіе? Отчего происходятъ огоньки на кладбищахъ, болотахъ и могилахъ?

Примѣчаніе 6. „Огневи молятся, зовутъ его Сварожи-

чемъ“, говорить о нашихъ предкахъ древнее „слово Христолюбца“. И доселѣ поселяне, зажигая вечеромъ лучину или свѣчку, вкостятъся, если-же огонь долго не выдувается отъ уголька, то приговариваютъ: „Святой огонечекъ дайся намъ“. Огню также приписывалась сила: *црлбная*. (Заговоръ предъ печью, леченіе скотскаго надежа, костры въ чумное время и т. п.); — *внщая* (испытаніе огнемъ, гаданіе съ лучиной). Но независимо отъ того огню придавалось особенное священ. значеніе. Славяне-арійцы считали огонь младшимъ братомъ солнца и чтили въ немъ ту же животворящ. силу тепла, которая въ лицѣ солнца оживляла всю природу, а въ огнѣ служила нуждамъ челоѣка (миѡы всѣхъ народовъ сводятъ огонь съ неба). Гдѣ огонь тамъ и свѣтъ, и тепло и обиліе. Огонь доселѣ — символомъ радости (идлюминаціи). Въ народныхъ присловьяхъ огонь постоянно пользуется эпитетомъ „богача“ (раскален. угли — червонцы; *багача*). Онъ посредникъ между божествомъ и людьми (жертвоприношенія — сожженіемъ) — отсюда обычай препровождать огнемъ души покойника въ райское блаженство (сожиганіе мертвыхъ) у арійцевъ-славянъ. По спеціальному примѣненію къ нуждамъ челоѣка огонь, горѣвшій на очагѣ, былъ особенно дорогъ и важенъ (пища и семейный кругъ). Огонь очага и понынѣ — символъ семейнаго единства и счастья; въ старое-же время семейная связь была болѣе дорога челоѣку: — члена семьи или рода хранилъ отъ насилія обычай кровавой (родовой) мести, — челоѣкъ внѣ семьи — очага б. существо безправное. По этому огонь — очага является предметомъ почитанія, чему слѣды въ пословицахъ („на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился“; „сказавъ-бы та пічь у хатѣ“; „для твоей рѣчи не выносить печи“). Уваженіемъ въ очагу объясняется обычай гостепріимства (обязанность хозяина обласкать и беречь челоѣка, пришедшаго подѣ

защиту его домашней святыни) — также обычай у наших поселянок не ссуживать чужаго челоуѣка огнемъ (т. е. не удѣлять своей домашней святыни въ чужой домъ). *Культъ* огня состоялъ въ бросаніи въ огонь части кушаньевъ, въ поддержаніи неугасающаго огня на очагѣ (*жаръ на припечку*), а также въ добываніи новаго треніемъ дубовыхъ полѣньевъ. Нашъ народъ иногда считаетъ огонь ангеломъ: говорятъ, что по этому его *негодятъся* *зневажати*.

Что такое вѣтеръ, и отчего онъ бываетъ? Что такое вихрь? Очего вихри являются предъ грозой? Имѣеть-ли народъ понятіе о воздухѣ, и какое? Отчего зависитъ измѣненіе погоды? Какъ олицетворяетъ народъ вѣтеръ, морозъ и т. п.? Что такое эхо, марево, *маячяня*?

Примѣчаніе 8. Обожаніе воздуха у славянъ сравнительно менѣе замѣтно, быть можетъ потому, что воздухъ стихія болѣе тонкая и менѣе доступная чувственному воспріятію. Встрѣчаются въ народной поэзіи олицетворенія вѣтровъ, — заговоры, обращенія „въ вѣтру“, упоминается о чарахъ, „пускаемыхъ по вѣтру“, иногда — слышимъ заявленія, что вѣтеръ — Божій духъ, вихрь — бѣсъ.

3) Царство животныхъ и растений.

Какія существуютъ преданія о происхожденіи и особенныхъ свойствахъ животныхъ и растений: о турахъ, медвѣдяхъ, волкахъ, лисицахъ, дикихъ козахъ, кабанахъ, зайцахъ, земляныхъ зайцахъ, кротахъ, хорькахъ, слѣпыхъ (зіньске щеня), ласкахъ, хомякахъ, овражкахъ, крысахъ, мышяхъ, летучихъ мышяхъ, лошадахъ, ослахъ, свиньяхъ, рогатомъ скотѣ, (*двужыльна скотына*) волахъ, козлахъ, овцахъ, собакахъ, яичухахъ, кошкахъ, ужахъ, черепахахъ, змѣяхъ (гадюкахъ), ящерицахъ, лягушкахъ (*жабахъ*), раверъ (большая лягушка), сорокахъ, воронахъ,

сорочкундѣ, галкахъ, воронѣ (*крукъ*), чайкахъ, сояхъ, совахъ, филинахъ (*пугачъ*), дятлахъ, аистахъ (*лелека*, *чорногузъ* или *бусель*), журавляхъ, дикихъ гусяхъ, кукушкахъ, воробьяхъ (какія заклинанія отъ воробьевъ?), *посмітюахъ*, ласточкахъ, павахъ, курахъ, голубѣ, куропатѣ, соловьѣ, коршунахъ, ястребахъ, орлахъ, *волове око*, камбалахъ (*однобока рыба*), щуцѣ, божьей коровкѣ (*сонечко*), улиткахъ (*равликъ*), сверчкахъ, саранчѣ, червяхъ, майскомъ жуцѣ, москаликѣ, *цвѣркунъ* (сверчокъ), муравьѣ, паукѣ, блохѣ, вшѣ? Какіе народныя пріемы—леченія болѣзней домашнихъ животныхъ?—Коровъ (потеря молока, *железныця*, одуте и пр.) и рогатаго скота вообще?—Лошадей (глисты, чемеръ, садно, парши, вши, бѣльмо на глазахъ, поврежденіе языка, сапъ, запоръ, задержаніе мочи, выпаденіе задне-проходной кишки и др.)? Причины болѣзней скота по народнымъ вѣрованіямъ?

Какія въ народѣ существуютъ заклинанія, относящіяся къ животнымъ? („горячого коня поить“; „одъ крові у коней“; отъ червей; къ кобылѣ; отъ нападенія звѣря на скотъ; молитвы и заклинанія, относящіяся къ пчеламъ и т. п.).

Какія существуютъ преданія о происхожденіи и особенныхъ свойствахъ растений: соснѣ, осинѣ, ивѣ, липѣ, дубѣ, березѣ, „*сухой вербѣ*“, „*усохломъ деревѣ*“, бузинѣ, яворѣ, любисткѣ (*зоря*), ржи, пшеницѣ, гречихѣ, ячменѣ и горохѣ, просѣ, нечуй-вѣтрѣ, „браткахъ“, папороти, камышѣ, ястерѣ, коровякѣ, осетѣ, „горы-цвѣтѣ“, царскомъ скипетрѣ, чернобылѣ, полынѣ, „ломынісѣ“, „сонъ-зиллѣ“, „ласкавцѣ“, барвинкѣ, купчакахъ, „чорнобривцяхъ“, „рожѣ“ (роза), васильѣ, тернѣ, нехворости, „святбяньської головѣ“, огурцахъ, „цыбулѣ“ (лукъ), чеснокѣ, дикой моркови, чертополохѣ, звѣробѣ, тоѣ, однасныѣ, терличѣ, марунѣ, снѣрястѣ, *черно-зілтъ*, „макь-видюкь“, „озулыныхъ черевичкахъ“ и т. д.

Какія существуютъ заклинанія, относящіяся къ растеніямъ (на урожай пшеницы; „на завытьте“, „на вырванье завить“; при собираніи травъ; „приговоръ до маку“ и т. п.)? Отчего произошли вышеозначенныя названія растеній? Откуда взялись сорныя травы, вредныя насѣкомыя, хищныя звѣри и птицы? Не приписываютъ-ли происхожденія ихъ чорту? Что такое *дубъ-стародубъ* и *дубъ-нелынь*? Что такое *волчій зубъ*? Какихъ животныхъ народъ не употребляетъ въ пищу, и почему? Какія изъ нихъ считаются нечистыми, и почему? Какія изъ нихъ находятся подъ особымъ покровительствомъ Бога и св. угодниковъ, и почему? Какія существуютъ преданія и повѣрія о мифическихъ животныхъ: жарь-птицѣ, кобылячей головѣ, индрыкѣ, конѣ, летающемъ по воздуху и имѣющемъ на лбу солнце, полозѣ, грифѣ, единорожцѣ, огненномъ змѣѣ и проч.

Примѣчаніе. Этотъ отдѣлъ самый богатый разнаго рода суевѣрными преданіями и повѣрьями. До сихъ поръ сохранились преданія о турахъ; о медвѣдяхъ говорятъ, что они были людьми; волки, по словамъ народа, находятся подъ покровительствомъ Полісуна или св. Юрія; кроты сначала имѣли глаза, но потомъ божествомъ наказаны слѣпотою за какое-то преступленіе; рогатый скоть получаетъ даръ слова ночью наканунѣ Рождества Христова; черный котъ всегда сопровождаетъ вѣдьмъ; козель и заяць—любимыя животныя чорта; аистъ клювомъ добываетъ огонь и зажигаетъ жилища тѣхъ людей, которые тревожатъ его гнѣзда; павлинь и пава, дятель и гайстеръ (аистъ) были людьми; воробы кричали: „живь! живь!“, когда евреи мучили Христа; папоротникъ въ извѣстное время дѣлаетъ человѣка всевѣдущимъ; терлычь-трава употребляются при очарованіи молодыхъ людей дѣвушками и т. д. При собираніи нѣкоторыхъ растеній употребляютъ особенные

приемы; бросаютъ въ ямки выкопанныхъ растений куски хлѣба или деньги, приговариваютъ различныя слова и пр.

4) *Человѣкъ.*

а) *Члены чловѣческаго тѣла и ихъ отправленія—сила слова.* Какія существуютъ повѣрія о чловѣкѣ вообще и частяхъ его тѣла въ особенности (зубы, брови, руки, ногти, ноги, „пята“ и т. д.)? Что народъ говоритъ объ уродахъ, а также о слѣпыхъ хромыхъ и проч.? Отъ чего рождаются тѣ и другіе? Какія понятія соединяются у народа съ разными дѣйствіями чловѣка въ его личномъ и семейномъ обиходѣ (умыванье, утиранье, ношеніе палки—и съ какихъ лѣтъ мужчины начинаютъ ходить съ нею?—потягиванье, свистаніе, чиханье, плеванье, „ідучи, або идучи куды“, „щобъ никто ни спортывъ у хаті, або на свадьбі“, „гостеванье“; есть-ли какія-нибудь повѣрія о силѣ благословенія родителей или брани и проклятіи ихъ? сны, битье о закладъ, присяга и т. п.). Какія заклинанія существуютъ (напр.: „одъ себе заговорювать“, любовныя—или приговорныя, къ суду, объ удачной охотѣ, заклинаніе ружья, относительно воровства, о добываніи владовъ и т. п.); б) *жилище, хозяйственныя постройки, орудія и утварь.* Кто научилъ чловѣка построить первую избу? Кто прорубилъ въ ней окна? и т. д. Какія повѣрія существуютъ и какими обрядами сопровождаются „закладины“ и постройка жилья? Какія повѣрія—объ окнѣ, дверяхъ, порогѣ, углахъ дома, покутьѣ, печкѣ, столѣ, лавкахъ, вѣникѣ, кочергѣ, ухватѣ (рогачѣ), лопатѣ, помелѣ, выметанѣ, „зольницы“, „мотовилѣ“, веретенѣ, „кварти“, „каганці“, ножницахъ, ножѣ и т. д.? Какія повѣрія о сараяхъ, влуняхъ, погребахъ, мельницахъ и друг. строеніяхъ, огородахъ, садахъ, кладбищахъ и проч.? Откуда взялся первый плугъ? Кто научилъ людей пахать? Какія

повѣрія о плугѣ, сохѣ, косѣ, грабляхъ, возѣ, колесахъ, саняхъ и др. земледѣльч. орудіяхъ? Какія сохранились повѣрія при ремесленныхъ и хозяйственныхъ занятіяхъ, напр., при приготовленіи полотна, стрижкѣ овецъ, удоѣ молока, посѣвахъ и посадкѣ, изготовленіи пици (напр., печеніи хлѣба) и т. п.? в) *Одежда*. Какія повѣрія о шапкѣ, сорочкѣ, штанахъ, сапогахъ, свитѣ и другой одеждѣ и обуви? Иголка и шитье? г) *Пища и посуда*. Какія повѣрія о пищѣ обыденной и праздничной (о хлѣбѣ, солѣ, молокѣ, сырѣ, яйцахъ, салѣ, различныхъ кушаньяхъ, водкѣ и др. напиткахъ)? Какія спеціальныя кушанья приготовляются въ извѣстные праздничные дни, въ какіе именно и почему? Какія повѣрія существуютъ вообще о ѣдѣ (ѣда до богослуженія, ѣда въ шапкахъ, время ѣды, недопитая рюмка и т. п.)? Какія повѣрія о посудѣ (ложкѣ, ножѣ, горшкахъ, мискахъ, дѣжѣ и т. п.)?

Примѣчаніе. Записывая повѣрія о чловѣкѣ, его жилищѣ, пищѣ, занятіяхъ, слѣдуетъ записывать какъ можно тщательнѣе и обряды, при этомъ совершаемые (напр., при выпаденіи зуба бросаютъ его на чердакъ; остриженные волосы бросаютъ въ печку; обрѣзанные ногти кладутъ за пазуху и проч.), съ возможно точной передачей могущихъ сопровождать ихъ словесныхъ формулъ, приговариваній, причитаній, заклятій, обращеній религіозныхъ—языческаго или христіанскаго характера, слѣдовательно и молитвъ. Слѣдуетъ указать, какіе обряды совершаются въ домахъ, садахъ, поляхъ, кладбищахъ.

(Продолженіе въ слѣд. №)

СОДЕРЖАНІЕ: I. Рѣчь предъ панихидою 19-го февраля 1884 года. Слово предъ принятіемъ св. Таинъ. Рѣчь предъ молебствіемъ по случаю открытія въ-ѣрковнхъ воскресныхъ религіозно-нравственныхъ народныхъ чтеній въ г. Переяславѣ, 26 февраля 1884 года. Рѣчь іеромонаха Наонаида, скананная имъ 31 марта сего 1884 г. въ Крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома, при возведеніи его въ санъ игумена Полтавскаго Крестопоздвиженскаго монастыря. II. Украинскій Философъ Григорій Савичъ Скорохода и его нравственно-философское ученіе (окончаніе). III. Программа для собранія свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ и повѣріяхъ въ южной Россіи.

Редакторъ, и. д. Инспектора семинаріи Д. Орловъ.

Печ. съ дозв. цензуры 1 мая 1884 г. Протоіерей М. Гаврилковъ.

Полтава, Типографія Н. Пигуренко.